Пираньи Неаполя

Автор:
Роберто Савьяно

Пираньи Неаполя

Роберто Савьяно

Итальянский писатель и публицист Роберто Савьяно (р. 1979), как никто другой, знает мир неаполитанской каморры. Он исследовал его настолько глубоко, что вот уже много лет ради собственной безопасности вынужден ночевать в полицейском участке. Роман “Пираньи Неаполя” сразу стал сенсацией. Это книга о банде подростков, шагнувших в преступный круг, который манит деньгами, авторитетом, властью, яркой линией судьбы. И неважно, что на пути к цели придется переступить через все, через людей – и через себя. Ведь пока что жизнь – заманчивая игра, из которой нужно выйти победителями, внушающими страх, а люди – всего лишь мишени…

Этот бестселлер Роберто Савьяно лег в основу театрального спектакля (2017) и одноименного фильма (2019), снятого режиссером Клаудио Джованнези (“Серебряный медведь” Берлинского кинофестиваля) и уже вышедшего в прокат у нас в стране.

Роберто Савьяно

Пираньи Неаполя

Мертвым преступникам.

Их невиновности

ROBERTO SAVIANO

LA PARANZA DEI BAMBINI

© Roberto Saviano, 2016

All rights reserved

© И. Боченкова, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО “Издательство Аст”, 2019

Издательство CORPUS ®

Все герои этой книги и их личные истории вымышлены, поэтому любые совпадения с реальными людьми или учреждениями, существующими или когда?либо существовавшими, должны рассматриваться как чисто случайные. Исторические факты и происшествия, прозвища действующих лиц, а также названия компаний и фирм упоминаются в романе исключительно для придания достоверности повествованию, без какой?либо предвзятости и намерения дискредитировать их владельца.

К моему роману подходит предупреждение, появляющееся в начале фильма “Руки над городом”: все персонажи и факты здесь вымышлены, подлинной является социальная реальность, положенная в их основу[1 - “Руки над городом” – кинофильм (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%BE режиссера Франческо Рози (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%B7%D0%B8,_%D0%A4%D1%80%D0%B вышедший на экраны в 1963 году (https://ru.wikipedia.org/wiki/1963_%D0%B3%D0%BE%D0%B4_%D0%B2_%D0%BA%D0%B8 социально-политическая драма. (Здесь и далее примеч. перев.)].

Действующие лица

Мараджа Николас Фьорилло

Бриато Фабио Капассо

Тукан Массимо Реа

Зубик Джузеппе Иццо

Драго Луиджи Стриано

Чупа-Чупс Винченцо Эспозито

Дохлая Рыба Чиро Сомма

Чёговорю Винченцо Эспозито

Дрон Антонио Старита

Бисквит Эдуардо Чирилло

Спичка Агостино Де Роза

Часть первая

Паранца приходит с моря

Где дети, там и золотой век.

Новалис

Слово “паранца”[2 - Паранца – рыбацкий одномачтовый баркас; невод для ловли рыбы; мелкая морская рыбешка, приготовленная в кляре. И банда в структуре каморры.] – с моря.

Тот, кто родился у моря, чувствует его по?особенному. Море дает работу, омывает, вторгается, властвует. Ты можешь всю остальную часть жизни провести вдали от моря, но будешь всегда пропитан им. Рожденный на море знает, что есть море тяжкого труда, море прибытия и отправления, море сточных вод, море, которое тебя отделяет от других. Есть море – клоака, море – путь побега, море – непреодолимый барьер. Есть ночное море.

Ночью выходят на рыбалку. Чернильная тьма. Проклятия вместо слов молитвы. Тишина. Только шум мотора.

Две лодки удаляются, маленькие, утлые, нагруженные прожекторами так, что кажется, вот-вот пойдут ко дну. Одна – налево, другая – направо, а фонарь светит, приманивая рыбу. Прожектор. Слепящий луч, солоноватое электричество. Резкий свет безжалостно разрывает воду до самого дна. Морское дно пугает: будто видишь, где конец всему. Вот здесь? В этом месиве камней и песка, покрытом толщей воды? И это все?

Паранца – название лодки, которая охотится на рыбу, приманивая ее светом.

Новое солнце электрическое; свет проникает в воду, овладевает ею, и рыба ищет его, доверяет ему. Доверяет жизни, плывет, открыв рот, ведомая инстинктом. Тем временем растягивается невод, быстро-быстро; сеть уже на страже по периметру косяка, обволакивает его.

Потом свет замирает, кажется, сейчас до него доберутся раскрытые рты. Между тем рыбы жмутся одна к другой, работают плавниками, ищут себе место. Как если бы вся вода вдруг стала лужей. Они подскакивают, а когда шлепаются, ударяются обо что?то не такое мягкое, как песок, но и не такое твердое, как камни. Кажется, через него можно пробиться, но ничего не получается. Они мечутся вверх-вниз, вверх-вниз, вправо-влево, вправо-влево, но все слабее, и слабее, и слабее.

Свет гаснет. Невод идет вверх, и для рыб море внезапно опрокидывается, словно дно морское взлетает к небу. Есть только сети, которые вытягивают. Жадно

хватая воздух, рты у рыб превращаются в маленькие, полные отчаяния кружочки, а раздутые жабры – как мочевые пузыри. Гонка к свету окончена.

Дерьмо

– Ты на меня уставился?

– Вот еще, сдался ты мне!

– А чё тогда уставился?

– Слушай, брат, ты меня с кем?то путаешь! Мне вобще на тебя плевать.

Ренатино стоял в компании мальчишек, его давно высматривали в толпе, и не успел он опомниться, подошли эти четверо. Взгляд – это территория, это родина; смотреть на кого?то – значит войти к нему в дом без приглашения. Смотреть пристально – дерзко вломиться. Выдержать взгляд – проявить силу, показать свою власть.

Они стояли в центре небольшой площади, окруженной домами, сюда вела всего одна улица, на углу был единственный бар и пальма, придающая площади экзотический вид. Это растение, втиснутое на небольшой клочок земли, меняло облик фасадов, окон и дверей, как будто его случайно занесло сюда с площади Беллини порывом ветра.

Им было не больше шестнадцати. Они наступали, чувствуя дыхание друг друга. Они были уже на взводе. Нос к носу, готовые сцепиться, если б не вмешался Бриато. Он встал между ними, будто возвел рубеж.

– Ты еще не заткнулся?! Все болтаешь?! И смотрит он, ишь, уставился!

Ренатино не опускал глаз от стыда, но если б он мог выкрутиться из этой ситуации, проявив покорность, он сделал бы это с удовольствием. Склонить голову, даже встать на колени. Их было слишком много на одного: когда надо кого?то отдубасить, кодекс чести не в счет. “Отдубасить” в Неаполе – это не

просто “избить” или “стукнуть”. Как бывает в народной речи, глагол “дубасить” выходит за пределы своего непосредственного значения. Отдубасить может мама, избивает полиция; отдубасить может отец или дед, а стукнет учитель в школе; дубасит тебя твоя девушка, если ты засмотрелся на другую.

Дубасят, вкладывая всю злость, со всей дури, без всяких правил. А главное, как ни странно, дубасят того, с кем существует некая связь. Дубасят того, кого знают; избивают постороннего. Дубасят близкого по территории, культуре, отношениям, того, кто является частью твоей жизни. Бьют же того, кто не имеет к тебе никакого отношения.

– Значит, ставишь лайки фотографиям Летиции? Комментируешь, значит, а когда я подхожу, еще и пялишься на меня? – набросился Николас, пригвождая Ренатино, как букашку, черными булавками своих глаз.

– Сдался ты мне… я вообще на тебя не смотрю. А если Летиция выкладывает фото, значит, я могу их комментировать и лайкать.

– Думаешь, я не должен тебя за это отдубасить?

– О, ты меня достал, Николас.

Николас первым начал толкать Ренатино: тот спотыкался о ноги стоящих вокруг и отскакивал от окруживших его тел, как бильярдный шар от борта. Бриато толкнул его к Драго, тот схватил одной рукой и бросил на Тукана. Тукан хотел было боднуть его головой, но передумал и толкнул к Николасу. Они что?то задумали.

– О, какого черта! Вы чё?! О!!! О!!!

Голос у него был, как у зверя, скорее даже испуганного щенка. Он повторял всего лишь один звук, который вырывался как крик о спасении: “О!!!” Только “о” – сухой звук. Хриплый, обезьяний, отчаянный.

Позвать на помощь – значит расписаться в собственной трусости, но в этой букве, всего в одной букве звучал призыв о помощи, который Ренатино максимально сократил, чтобы скрыть свое унижение.

Никто и пальцем не пошевелил. Девчонки стали расходиться, будто начиналось представление, в котором они не хотели и не могли принимать участие. Те, кто остались, внимательные зрители, делали вид, что заняты своим делом. Спроси их, ответят, что просто тупили в свои айфоны и ничего не заметили.

Николас окинул быстрым взглядом площадь, потом резко толкнул Ренатино так, что тот упал. Попробовал подняться, но Николас наступил ему на грудь и придавил к земле. Остальные четверо прикрывали их со всех сторон.

Бриато первым схватил его за ноги, за лодыжки. Время от времени одна нога вырывалась, верткая, как угорь, и взлетала в воздух, отчаянно пытаясь ударить Бриато по лицу, но тот уворачивался. В конце концов, ноги Ренатино были обвязаны легкой цепью, какой обычно пристегивают к столбу велосипеды.

– Нормально, крепко! – Бриато защелкнул замок.

Тукан надел на руки Ренатино металлические наручники с розовым мехом, должно быть, из секс-шопа, и пнул по почкам, чтоб не буянил. Драго бережно удерживал голову, как делают медсестры, надевая шину пострадавшему при аварии.

Николас спустил брюки, повернулся спиной и присел на корточки над лицом Ренатино. Быстрым движением схватил связанные руки и начал испражняться ему на лицо.

– Как, Драго, по?твоему, говносос должен жрать говно?

– По-моему, да.

– Пошло… приятного аппетита.

Ренатино крутился и кричал, но, увидев выходящую коричневую массу, внезапно замер и закрыл рот. Плотно сомкнул губы, задержал дыхание, зажмурился и напряг все мышцы лица так, словно хотел, чтобы оно превратилось в маску. Драго все еще держал его голову, но отпустил, когда на лицо шлепнулась первая порция.

Отпустил только потому, что боялся запачкаться. Голова снова стала крутиться, как безумная, вправо и влево, стараясь сбросить кусок дерьма, угодивший прямо между носом и верхней губой. Это удалось, и Ренатино снова стал кричать свое отчаянное “О!”.

– Парни, вторая на подходе… держите его.

– Ё, Николас, ну ты и жрать…

Драго с сестринской заботой обхватил голову Ренатино.

– Ублюдки! О!!! О!!! Ублюдки!!!

Бессильный крик оборвался, как только Ренатино увидел очередную порцию кала, выходящую из ануса Николаса. Волосатый темный глаз двумя спазмами разорвал змейку испражнений на два округлых кусочка.

– Черт, ты чуть в меня не попал, Нико!

– Драго, тоже хочешь немножко тирамису?

Второй кусок упал прямо на глаза. Ренатино почувствовал, что руки Драго отпустили его, истерично затряс головой, и тряс, пока не подступила тошнота. Николас захватил край майки Ренатино и обстоятельно, без спешки вытер себе зад.

Его оставили в покое.

– Ренатиг, скажи спасибо моей маме, и знаешь почему? Потому что она хорошо меня кормит, а если б я ел ту гадость, которую готовит тебе твоя мамаша, облил бы дерьмом, как из душа.

Смех. Смех, сжигающий во рту весь кислород, удушающий. Не смех, а ослиный крик. Самый банальный смех напоказ. Смех подростков – грубый, наглый, невыразительный, в угоду приятелям. Сняли цепь с лодыжек Ренатино, освободили запястья:

– Держи, дарю!

Ренатино сел, сжимая в руках меховые наручники. Остальные уходили, горланя, запрыгивали на свои мопеды. Разноцветные жуки, газовали без дела, тормозили, чтобы не столкнуться, а потом разлетались с площади прочь. Только Николас до последнего упирался в Ренатино черными булавками своих глаз. Ветер трепал его светлые волосы, которые не сегодня-завтра, решено, он сбреет под нуль. Потом и он запрыгнул на мопед, помчался вдаль, и остались только черные силуэты.

“Новый махараджа”

Форчелла[3 - Форчелла – историческая зона в центре Неаполя. Название происходит от характерной формы перекрестка, напоминающей греческую букву ипсилон (Y) или вилку.] – ткань Истории. Вековая плоть Неаполя. Живая материя.

Она там, в морщинах переулков, прорезающих ее, как лицо, огрубевшее от ветра. Смысл имени: Форчелла. Веточка с развилкой на конце. Дорога в неизвестность, всегда знаешь, откуда начинается путь, но куда придешь и придешь ли – неизвестно. Дорога как символ. Смерти и воскресения. Она встречает тебя огромным изображением святого Януария[4 - Святой Януарий – священномученик, покровитель Неаполя. Самый известный случай заступничества Януария – спасение города от извержения Везувия в 1631 году, когда по молитвам горожан каменная статуя святого одним жестом поднятой руки остановила извержение.], написанным на стене. С фасада обычного дома он смотрит на входящих. Его глаза, все понимающие, напоминают тебе, что никогда не бывает поздно воспрянуть духом, что разрушение, как лаву, можно остановить.

Форчелла – это история отъездов и возвращений. В новые города из старых и потом из новых городов, которые становятся старыми. Из суетливых, шумных городов, построенных из вулканического туфа и пиперно. Камень, из которого воздвигнуты все стены, вымощены все дороги, изменил все, даже людей, что с незапамятных времен этот материал обрабатывают. Или, лучше сказать, возделывают. Потому что так говорят: возделывать пиперно, будто это

виноградник. Камень добывать все сложнее, ведь возделывать пиперно – значит расходовать его запасы. В Форчелле и камни живые, они тоже дышат.

Дома теснятся, балконы целуются в Форчелле. Страстно целуются. Даже если между ними пролегла дорога. И если их не связывают бельевые веревки, их удерживают сплетающиеся голоса, будничная перекличка, словно между ними не асфальт, а река, через которую перекинуты невидимые мосты.

Всякий раз, когда Николас проезжал мимо Колонн Форчеллы[5 - Колонны Форчеллы – огороженная археологическая зона в центре площади Винченцо Календы. Камни, предположительно, были частью стены, окружавшей античный Неаполис.], ему становилось весело. Он вспоминал, как два года назад, хоть и казалось, что давным-давно, они вынесли огромную елку из галереи Умберто I и притащили ее сюда прямо со сверкающими шарами, которые, конечно, сверкали уже не так ярко, потому что не было электричества. Там ее и увидела Летиция. Она вышла из дома утром в канун Рождества и, завернув за угол, заметила еловую верхушку – как в сказках, когда вечером брошено зерно, а на рассвете раз – и выросло дерево, упирающееся кроной в небо. В тот день она его поцеловала.

За елкой ходили ночью всей группой. Дождались, пока родители лягут спать, и ушли из дома. Все вместе, десять человек, с невероятным усилием взвалили ее на свои щуплые плечи, стараясь не шуметь, ругались вполголоса. Потом привязали елку к мопедам: Николас и Бриато, Чёговорю и Зубик спереди, остальные сзади поддерживали ствол. В тот день был жуткий ливень, потоки воды изрыгались из канализационных стоков, стояли на дороге болотом, по которому оказалось не так?то легко проехать на мопедах. Мопеды катили, шагая рядом и держа за руль, сесть на них верхом не позволял возраст, но, по их словам, они и так все умели и водили даже лучше, чем взрослые. Однако ехать по этой толще воды было нелегко. Они часто останавливались перевести дыхание и поправить веревки, и в итоге все получилось. Елку поставили у Колонн – среди домов, среди людей. Там, где ей место. К вечеру приехали полицейские и забрали ее, но это уже мало кого волновало. Дело было сделано.

Николас, улыбаясь, проехал Колонны и припарковался у дома Летиции. Он хотел забрать ее с собой в бар. Она уже успела посмотреть посты на Фейсбуке: фотографии измазанного дерьмом Ренатино; друзья не замедлили прокомментировать его унижение. Летиция знала Ренатино и знала, что нравится ему. Единственный грех, который он совершил, – лайки, поставленные

кое?каким ее фотографиям, после того как она добавила его в друзья: непростительная ошибка в глазах Николаса.

Николас стоял у дома, звонить в домофон он не собирался. Домофоном пользуется почтальон, дорожный инспектор, пожарный, полицейский, врач скорой помощи, чужой человек. Если же нужно позвать мать, отца, друга, невесту, соседку – любого, кто занимает в твоей жизни хоть какое?то место, нужно кричать. Все открыто, распахнуто настежь, все слышно, а если не слышно – плохой знак, значит, что?то случилось.

– Летиг! Летиция! – заорал снизу Николас.

Окно комнаты Летиции выходило не на дорогу, а в глухой и темный внутренний дворик. Взгляд же Николаса был обращен на окно, за которым находилась большая лестничная площадка. Обычно жильцы, идущие по лестнице, слышали крик, стучали в квартиру Летиции и шли дальше, не дожидаясь, когда дверь откроется. Стучали и шли своей дорогой, это был условный язык: “Тебя зовут!” Если Летиция, открыв дверь, никого не видела на площадке, она знала, что тот, кто ее ищет, стоит на улице. Но теперь Николас так орал, что она услышала его даже из своей комнаты. Вышла на лестничную площадку и сердито прокричала в окно:

– Уходи. Я никуда не пойду.

– Ну, выходи же, я жду.

– Я сказала, не пойду.

Обычное дело. Все знают, что вы ссоритесь. Должны знать. Гневные слова и эмоции отскакивают от привыкшей к перепалкам влюбленных мостовой.

– Что тебе сделал Ренатино?

– А, знаешь уже новость? – В голосе Николаса смешались радость и робость.

Вообще?то ему достаточно было того, что его девушка в курсе. Подвиги воина передаются из уст в уста, весть становится легендой. Он смотрел на Летицию и

понимал, что эхо его поступка разнеслось среди облезлой штукатурки, алюминиевых рам, водосточных труб, балконов и поднималось все выше, к крышам и телевизионным антеннам. Летиция стояла, опершись о подоконник; волосы ее, влажные после душа, вились сильнее обычного. И тут пришло сообщение от Агостино. Сообщение срочное и загадочное.

Перебранка закончилась. Летиция видела, как Николас вскочил на свой скутер и резко сорвался с места. Стремительный кентавр – получеловек, полуколеса. Ездить в Неаполе – значит обгонять где угодно, не соблюдая правил, запретов, не обращая внимания на пешеходные переходы. Николас спешил в ресторан “Новый махараджа”, где уже собрались остальные. Роскошный ресторан на Позиллипо с просторной террасой, выходящей на залив. Заведение могло безбедно жить только благодаря террасе, сдаваемой по случаю свадеб, первых причастий и других праздников. С детства Николаса притягивало это возвышающееся на Позиллипо белое здание. Николасу нравилась бесцеремонность “Махараджи”: укорененная на скале неприступная крепость, белая-белая. Белыми были окна, двери и даже ставни. Как величественный греческий храм, смотрел ресторан на море. Словно из воды росли его белоснежные колонны, поддерживающие террасу, где, как представлялось Николасу, прогуливались люди, одним из которых он мечтал стать.

Николас часто проезжал мимо, замечая роскошь припаркованных машин и мотоциклов, любуясь женщинами, мужчинами, их элегантностью и показным богатством, и поклялся себе, что однажды войдет в этот круг любой ценой. К этому он стремился, и об этой мечте знали его друзья, вот почему брошенное однажды прозвище Мараджа навсегда прилипло к нему. Попасть в тот мир не простым официантом и не по любезному одолжению типа “заходи, посмотри, а потом убирайся”: он и его друзья мечтали стать не гостями, а постоянными клиентами заведения, важными клиентами. Сколько лет понадобится, спрашивал себя Николас, чтобы получить возможность зависнуть там на всю ночь? Что для этого нужно сделать?

Время – категория в мечтах весьма относительная: ты прикидываешь, что будешь экономить на всем лет десять, выиграешь в каком?нибудь конкурсе, если повезет, и если приложишь все усилия, тогда, быть может… Но отец Николаса работал учителем физкультуры, а у матери была небольшая прачечная. Таким, как его семья, понадобится вечность, чтобы попасть в “Махараджу”. Нет, Николас хотел сейчас, немедленно. В пятнадцать лет.

И все оказалось просто. Часто бывает, что самым простым становится выбор пути, раз ступив на который, ты уже не сможешь свернуть. Вечный парадокс: обратимое решение – это всегда обоснованный, продуманный, взвешенный шаг. Необратимое же принимается спонтанно, мгновенно, инстинктивно, не встречая сопротивления. Николас был обычным подростком: тусовка на мопедах перед школой, селфи, одержимость модными кроссовками – доказательства того, что ты нормальный пацан, крепко стоящий на земле, иначе трудно чувствовать себя человеком. Но где?то в конце сентября Агостино вызвал на разговор Копакабана, важный человек клана Стриано из Форчеллы.

Копакабана подошел к нему на правах родственника: он приходился отцу Агостино двоюродным братом.

Еле-еле дождавшись окончания уроков, Агостино помчался к друзьям. Его лицо, раскрасневшееся от бега, было почти такого же цвета, как волосы. Издалека казалось, что выше шеи он весь полыхает пламенем, неслучайно его прозвали Спичкой. Тяжело дыша, Агостино пересказал весь разговор, слово в слово. Этот момент они запомнили навсегда.

– Понимаете, кто это?

По правде говоря, они слышали имя, только и всего.

– Ко-па?ка-ба-на! – произнес по слогам Агостино, – один из боссов семьи Стриано. Он говорит, ему нужны помощники, нужны надежные парни. Он хорошо платит.

Никто не испытал особого восторга. И Николас, и остальные не считали босса каморры героем, как когда?то их сверстники. Их совершенно не волновало, как достаются деньги. Важно иметь их и всячески демонстрировать это: машины, модная одежда, часы плюс любовь красивых женщин, зависть мужчин.

Агостино знал чуть лучше историю Копакабаны, чье имя было связано с гостиницей на пляже в Новом Свете. Бразильская жена, бразильские дети, бразильские наркотики. Важничал, уверенный в том, что может принять в своем отеле кого угодно – Марадону и Джорджа Клуни, Леди Гагу и рэпера Дрейка, фото с которыми выкладывал в Фейсбуке. Эксплуатировал красоту принадлежавшей ему собственности, зазывая именитых гостей, этим и выделялся среди боссов клана Стриано, переживавшего не лучшие свои

времена. Чтобы дать мальчишкам работу, Копакабана мог и не встречаться с ними. Он единолично заправлял в Форчелле последние три года после ареста дона Феличано Стриано по прозвищу Граф.

Процесс против клана Стриано почти не задел его. Большая часть обвинений, предъявленных организации, относилась к периоду, когда Копакабана был в Бразилии, и его участие в организованной преступной группе – наиболее опасное для него и ему подобных обстоятельство – доказать не удалось. Это был суд первой инстанции. Прокуратура собиралась обжаловать решение. То есть Копакабана оказался в затруднительном положении, ему нужно было скрыться, но при этом найти новых мальчишек, которым он мог бы частично передать дела и показать, что держит удар. Его парни – паранца “волосатых”, Капеллони – были неплохие, но не слишком надежные. Так обычно бывает, когда взлетаешь – или думаешь, что взлетел, – слишком высоко и слишком быстро. Главарь их, Уайт, держал банду в узде, но сам крепко подсел на наркотики. Эти парни умели хорошо стрелять, а надо было искать новые точки сбыта. Чтобы начать все сначала, требовался более податливый материал. Но где его взять? И сколько запросят эти люди? Сколько он может вложить в дело? А главное, из какого кармана брать средства, ведь одно дело – инвестиционные деньги, другое – твои собственные? Если б Копакабана продал даже часть своего отеля в Южной Америке, он мог бы держать на зарплате человек пятьдесят, но это его личный капитал. Для вложения в дело требовались деньги клана, а их не было. Форчелла находилась под колпаком: прокуратура, телевидение, политики – все интересовались кварталом. Дурной знак. Копакабане приходилось все выстраивать заново: никто не занимался делами в Форчелле. Структура была разрушена.

Тогда он пошел к Агостино и всучил ему брикет гашиша, вот так, с ходу. Они встретились перед школой, и Копакабана спросил: “Сколько тебе нужно, чтобы толкнуть этот кирпич?”

Толкнуть дурь – первый шаг, позволяющий стать сбытчиком, хотя дослужиться до этой ступени не так просто; толкнуть дурь означает продать ее друзьям, родственникам, знакомым. Прибыль довольно скромная, но и риска практически никакого.

– Ну… месяц, – подумав, сказал Агостино.

– Месяц? Тебе едва ли хватит этого на неделю.

Агостино недавно исполнилось четырнадцать, в этом возрасте получают права на вождение скутера, то, что нужно Копакабане.

– Приводи всех своих друзей, всех, кто хочет потрудиться. Парней из Форчеллы, которые вечно торчат у ресторана в Позиллипо. Хватит чесать яйца… а?

Так все и началось. Копакабана назначал им встречу в одном из домов при въезде в Форчеллу, но сам никогда там не появлялся. Вместо него приходил человек болтливый, но недалекий по имени Альваро – из?за схожести с комиком Альваро Витали. Ему было около пятидесяти, но выглядел он много старше своих лет. Почти неграмотный, большую часть своей жизни провел в тюрьме: отбывал срок совсем юным во времена Рафаэле Кутоло и организации “Нуова Фамилиа”, сидел за решеткой в период файды между кланами районов Санита и Форчелла, между семьями Мочерино и Стриано. Он прятал оружие, был информатором. Ютился с матерью в полуподвале, в карьере не преуспел, платили ему сущие гроши и в качестве подарка присылали иногда проститутку из Восточной Европы, с которой он встречался, отправив мать к соседям. Однако Копакабана доверял Альваро, как немногим. Дело он знал хорошо: развозил товар, передавал “кирпичи” Агостино и другим ребятам.

Альваро показал им место работы. Квартира, в которой хранилась “дурь”, находилась на последнем этаже. Продавать нужно было внизу, во внутреннем дворике. В отличие от Скампии, ни решеток, ни заграждений, ничего подобного. Копакабана хотел продавать свободно, без преград.

Задача была несложной. Они приходили на место незадолго до того, как начиналось оживление, чтобы ножом нарезать “дурь” на куски. Альваро вместе с ними резал куски и скатывал шарики. Порции по десять, пятнадцать, пятьдесят. Для удобства гашиш заворачивали в обычную фольгу, траву раскладывали по пакетам. Клиенты заезжали во двор на мопедах или приходили пешком, платили и уходили. Механизм был отлажен, за кварталом присматривали надежные люди, которым регулярно платил Копакабана, а на улице всегда крутились те, кто немедленно сообщил бы о полицейских, карабинерах, финансовой полиции, будь они хоть в форме, хоть в штатском.

Занимались этим после школы, иногда пропускали уроки, поскольку плата была сдельная. Пятьдесят-сто евро в неделю, для начала неплохо. Цель была одна: “Фут Локер”[6 - “Фут Локер” – сеть магазинов одноименной компании,

торгующих широким ассортиментом спортивной одежды и обуви.]. Они буквально штурмовали магазин. Вваливались толпой, вот-вот снесут, потом уже рассеивались внутри. Футболки брали по десять-пятнадцать штук. Тукан натягивал их одну на другую. “Just Do It”. “Адидас”. “Найк”. Марки мгновенно сменялись. Николас взял себе сразу три пары кроссовок “Эйр Джордан”. Высокие, закрывающие лодыжку, белые, черные, красные – главное, чтобы там был Майкл с мячом в руке[7 - “Эйр Джордан” – именной бренд, разработанный американской компанией “Найк” для легендарного американского баскетболиста Майкла Джордана.]. Бриато нацелился на баскетбольные бутсы, зеленые с флуоресцентной подошвой, но стоило ему взять их, как Чупа-Чупс осек его фразой: “Зеленые? Ты чё, гомик?” Бриато положил их на место и схватил бомберы с нашивками “Yankees” и “Red Sox”[8 - “Yankees”, “Red Sox” — профессиональные бейсбольные клубы из Нью-Йорка и Бостона соответственно.].

Постепенно все мальчишки, которые крутились у “Нового махараджи”, стали толкать “дурь”. Зубик пытался остаться в стороне, но продержался лишь пару месяцев, а потом тоже начал сбывать наркоту на стройке, где работал. Чупа-Чупс барыжил в спортзале. Даже Бриато втянулся работать на Копакабану, для Николаса он вообще сделал бы все что угодно. Рынок был не таким огромным, как в восьмидесятые-девяностые: сначала Секондильяно подмял под себя все, потом сбыт оттянулся из Неаполя в Мелито. Теперь все перемещалось в исторический центр. Альваро собирал их каждую неделю и платил: получал больше тот, кто больше продавал. Они всегда могли подзаработать вне точки сбыта, быстро освоили нехитрые приемы: припрятать козявку гашиша, надуть приятеля, у которого водились деньги, или совсем откровенного простака. Но только не в Форчелле. Там цена за определенный вес была фиксированной. Николас нечасто приходил на точку, он сбывал “дурь” на дискотеках, ученикам отца, но деньги поплыли к нему, когда он начал продавать травку в своем художественном лицее. Продавал всем. В аудиториях, пока нет преподавателей, в спортзале, на лестнице, в коридорах и туалетах. Везде. Цены росли по мере того, как увеличивалось число лицейских вечеринок. Вот только приходилось вступать в политические дебаты. Однажды он даже подрался из?за своих слов.

– Я считаю, что Муссолини был сильным человеком. Все, кто добивается уважения, сильные люди. И Че Гевара мне нравится, – сказал он.

– Ты Че Гевару не трогай. – Вперед вышел длинноволосый парень в расстегнутой рубашке.

Они сцепились, но Николасу было плевать на этого мажора с улицы Милле, и вообще он был из другой школы. Что он знал об уважении и силе? Если ты с улицы Милле, уважение достается тебе по рождению. Если ты живешь на юге Неаполя, ты должен завоевать уважение. Тот парень говорил что?то о нравственных категориях, но для Николаса, который видел лишь несколько фотографий Муссолини да пару телепередач, такого понятия не существовало. Он врезал головой этому типу в нос, что означало: вот что я тебе скажу, недоумок, никакой истории не существует. Праведники и грешники, хорошие и плохие. Все одинаковы. На страничке в Фейсбуке у Николаса они были в одном ряду: дуче выступает с балкона, король галлов преклоняет колени перед Цезарем, Мохаммед Али рычит на поверженного соперника. Сильные и слабые. Вот настоящее различие. Николас знал, на чьей он стороне.

На этой своей личной точке сбыта Николас познакомился с Дохлой Рыбой. Они крутили косяки, когда один парень произнес волшебное слово:

– А я тебя видел у “Нового махараджи”!

– Ну и что? – ответил Николас.

– Ну, у меня там тоже дела. – А потом добавил: – Послушай, послушай эту музыку. Так Николас, который до этого момента слушал только итальянскую попсу, приобщился к жесткому американскому хип-хопу: в непонятную блевотину слов время от времени вклинивается “fuck”, расставляя все по местам.

Николасу понравился этот тип – наглец, конечно, но с понятиями. Так что иногда они звали его поработать во дворе известного дома в Форчелле, хоть тот и жил в другом районе.

Раньше или позже их все равно накрыли бы. Облава случилась под Рождество. Работал Агостино. Николас как раз подъезжал, чтобы сменить его. Их не успели предупредить. Дежурный наряд полиции остановил машину якобы для проверки, а потом неожиданно обрушился на них, они даже не успели избавиться от “дури”.

Позвонили отцу Николаса, тот пришел в полицейское управление. Стоял и отрешенно смотрел на сына, но постепенно взгляд его тяжелел и наполнялся злостью. Николас же потупил глаза и долго не решался взглянуть на отца. Когда же наконец он поднял голову, в этом взгляде не было смирения, и отец отвесил ему две оплеухи – сильно, наотмашь, ударом теннисиста. Николас не проронил ни звука, только на глазах выступили слезы – от боли, не от раскаяния.

Вскоре прибежала разъяренная мать. Заняла собой весь дверной проем – уперлась руками в дверной косяк, будто подпирала здание. Муж отошел в сторону, уступая ей сцену. Она подошла к Николасу, медленно, как подкрадывается зверь. Приблизившись вплотную, как будто хотела обнять, зашипела ему в ухо: “Стыд, позор!” И еще: “С кем ты связался, с кем?” Муж слушал и не слышал ее. Николас рванулся в сторону, тогда отец снова набросился на него, прижав к стене:

– Полюбуйтесь! Пушер малолетний. Да как ты мог?!

– Пушер хренов, – прошипела мать, оттащив отца. – Позорище.

– А откуда, по?твоему, – вырвалось у Николаса, – все эти вещи из “Фут Локера” у меня в шкафу? Я что, по выходным на заправке подрабатывал?

– Дерьмо. В тюрьму сейчас отправишься, – сказала мать.

– В какую еще тюрьму?

И тут она дала ему пощечину, хлесткую и звонкую, хоть и не такую сильную, как отец.

– Замолчи. Больше никуда тебя не отпущу, только под контролем. – Это сыну, а потом мужу: – Никакого пушера нет, понятно? Нет и не должно быть. Сейчас все уладим и вернемся домой.

– Проклятье, этого еще не хватало, – пробормотал отец. – Адвоката теперь нанимать!

Николас вернулся домой под конвоем родителей. Отец шел чуть впереди, задрав подбородок в праведном гневе, думая о тех, кто встретит их дома: Летиция и Кристиан, младший сын. Пусть полюбуются на негодяя, пусть вглядятся ему в лицо. Мать же шла рядом с Николасом, потупившись.

Едва завидев брата, Кристиан выключил телевизор и вскочил с дивана, преодолев расстояние до дверей в три шага. У них был свой ритуал рукопожатия, как в фильмах, – ладонь, рука, плечо – верные друзья, братья. Но отец остановил его испепеляющим взглядом. Николас едва сдержался, чтобы не рассмеяться. Для младшего брата он был кумиром, он представил себе, что вечером в спальне им будет о чем поговорить. Проболтают допоздна, а потом Николас взъерошит братишке волосы, как всегда, перед тем как пожелать ему спокойной ночи. Летиции тоже хотелось обнять Николаса и спросить: “Ну как? Из-за кого это?”

Она знала, что Николас сбывает “дурь”. Конечно, кулон, который он подарил ей на день рождения, стоил недешево, но она не представляла, что ситуация такая сложная, хотя на самом деле ничего особенного не случилось.

На следующий день после обеда они сидели вместе, и Летиция размазывала по щекам и губам Николаса крем “Нивея”. “Чтоб скорее прошло”, – так она говорила. Эти нежности сближали их еще больше. Он готов был съесть ее, так и говорил: “Я как вампир из «Сумерек»!” – но к ее девственности относился серьезно. Смирился с тем, что решение зависело от нее, так что они вдоволь целовались, ласкали друг друга, используя дополнительные стратегии, и часами вместе слушали музыку, поделив наушники.

Из полиции их всех отправили домой, освободили до суда, даже Агостино, который попался с поличным и серьезно рисковал. В последующие дни они пытались вспомнить, о чем переписывались в чатах, поскольку телефоны у них конфисковали. В итоге нашлось очень простое решение: Альваро возьмет на себя всю вину. Копакабана подстроил наводку, и карабинеры нашли в подвальчике у Альваро наркотики. Признался он и в том, что привлек к сбыту мальчишек. Когда Копакабана сообщил Альваро про тюрьму, тот ответил: “Что?! Опять? Черт побери!” И только. В качестве компенсации ему был обещан скромный ежемесячный оклад в тысячу евро. И перед отправкой в Поджореале – румынская девушка. Однако он выразил желание жениться на ней. На что Копакабана дал односложный ответ: “Посмотрим”.

Тем временем они приобрели по дешевке новые смартфоны, ворованные: надо было как?то работать дальше. Снова создали группу и договорились не писать в чате о случившемся, особенно на тему, беспокоившую всех, но только Чёговорю решился выразить это словами:

– Парни, Низида[9 - На острове Низида в Неаполе находится тюрьма для несовершеннолетних преступников.] по нам плачет. Рано или поздно все туда попадем.

Каждый из них хотя бы раз в жизни представлял себе путешествие в тюрьму для малолеток. Проехать в полицейском фургоне по длинному каменному мосту, соединяющему остров с материком. Отсидеть там год и выйти другим человеком. Зрелым. Настоящим мужчиной.

Некоторые считали это геройским поступком и были готовы даже подставиться на какой?нибудь ерунде. Впереди целая жизнь, времени хватит.

Первый свой поединок мальчишки выдержали достойно, держали рот на замке, из переписки их тоже ничего не всплыло. Так что Николас и Агостино наконец?то получили приглашение от Копакабаны в ресторан “Новый махараджа”. Но Николас рассчитывал на большее: он хотел увидеть босса лично. Агостино собрался с духом и попросил родственника об этом. “Конечно, как же не познакомиться с моими ребятками!” – ответил Копакабана. И Николас с Агостино отправились в “Нового махараджу” в его, Копакабаны, сопровождении. Николас представлял его себе старым, но тому было едва за сорок. В машине по дороге в ресторан Копакабана говорил, что очень доволен их работой. Он относился к ним как к своим курьерам, разговаривал вежливо. Николаса и Агостино это интересовало мало, все их внимание было поглощено предстоящим событием.

– Ну как? Как там? – спрашивали они.

– Ресторан, – пожимал плечами Копакабана, но они хорошо знали, как там, внутри. На Ютубе были выложены видео с вечеринок и концертов, так что они уже ознакомились. Вопрос мальчишек “Как там?” подразумевал: что значит быть там, иметь отдельный кабинет, быть причастным к миру “Нового махараджи”, к вожделенной мечте?

Копакабана провел их с отдельного входа в свой личный кабинет. Конечно, они приоделись и даже похвастались родителям и друзьям, словно были приглашены на важный прием, на придворный бал. В какой?то степени так оно и было – все сливки Неаполя собирались там. В таком месте ожидаешь увидеть жуткую безвкусицу, низкопробный китч. Ничего подобного. Интерьер был весьма элегантным: местную традицию майолики пастельных тонов дополняла забавная цитата из традиций Востока. Название “Новый махараджа” появилось благодаря гигантской картине в центре зала. Ее привезли из Индии, художником был какой?то англичанин, который потом переехал в Неаполь. На картине сидел настоящий раджа – усы, разрез глаз, борода, шелковые одежды, мягкий диван, изящные украшения, драгоценные камни, сабля у пояса. Для Николаса, зачарованного огромным изображением махараджи, жизнь началась там.

Весь вечер Николас и Агостино разглядывали праздную публику, звуки шампанского лились нескончаемой мелодией. Кого только там не было! Бизнесмены, адвокаты, спортсмены, нотариусы, судьи обсуждали свои дела, поднимая бокалы с искрящимся вином. “Новый махараджа” не шел ни в какое сравнение с обычным рестораном или трактиром, где подают морепродукты. Туда не ходят, как в пиццерию, с семьей или даже с женой. Это место вряд ли тебе порекомендуют друзья. Там ты мог встретить нужного человека, там завязывались контакты, и это было абсолютно нормально: все равно что встретить кого?то на улице. Там были все свои, даже новые лица.

Копакабана говорил и говорил, а в воображениии Николаса мелодия одного слова в добавление к красивой еде и нарядным гостям рисовала ясную картинку. Лазарат. Его экзотика.

Албанская травка стала новой силой. У Копакабаны фактически было два бизнеса: легальный – в Рио, и нелегальный – в Тиране.

– Как?нибудь возьми меня туда, – попросил Агостино, потянувшись за очередным бокалом вина.

– Самые большие плантации в мире, парни! Трава – куда ни глянь, – отвечал Копакабана, имея в виду Лазарат. Деревня Лазарат стала главным поставщиком марихуаны. По словам Копакабаны, он купил там кое?что интересное, но возникала проблема, как без помех переправить это из Албании в Италию: и морской, и воздушный пути были ненадежными. Грузы шли через Черногорию, Хорватию, Словению и попадали во Фриули. В его рассказе было все очень

запутанно.

Агостино, ослепленный сверкающим вихрем вокруг, рассеянно слушал истории Копакабаны, Николас же весь превратился в слух.

Каждая партия товара – это пачки денег, и когда их становится слишком много, их невозможно утаить. Через несколько недель после вечеринки в “Новом махараджe” управление по борьбе с мафией начало расследование, о котором писали все газеты: взяли одного из наркокурьеров Копакабаны, и уже был выдан ордер на арест его самого. Ему не оставалось ничего, кроме как пуститься в бега. Возможно, он скрылся в Албании или смог уехать в Бразилию. Время шло, Копакабана не появлялся. На точке в Форчелле закончился товар.

Агостино хотел решить вопрос сам, но, поскольку Альваро был в тюрьме, а Копакабана вообще неизвестно где, у него ничего не вышло.

– А паранца Уайта работает… Чтоб мне сдохнуть, где?то они берут товар… – говорил Чупа-Чупс.

Николас и его компания столкнулись с проблемами: куда идти за товаром, сколько брать, как и где продавать. Все точки в городе поделены между кланами. Если на этой карте появлялись новые имена, это означало чье?то завоевание, чью?то победу.

– Ну, что будем делать? – спросил Николас. Они сидели на нейтральной земле в зале, где объединились бар, табачный ларек, зона игровых автоматов и тотализатор. Всем нашлось место. Кто?то смотрел на экран, проклиная слишком медленную лошадь, кто?то уткнулся в свой кофе, кто?то спускал зарплату перед игровым автоматом. Николас с друзьями и парни из паранцы Капеллони. Их босс, волосатый Уайт, был под коксом, он все чаще употреблял его внутривенно. Играл в настольный футбол со своими парнями – Петухом и Диким. Прыгал от одной штанги к другой, как укушенный тарантулом. Болтал без умолку, но и прислушивался к каждому слову, которое случайно долетало до его ушей. Он сразу уловил фразу Николаса: “Ну, что будем делать?”

– Хотите потрудиться, детки? А?! – спросил он, не переставая крутить штанги. – Поработайте?ка на замене. Я буду вас отправлять на точки, где вас ждут…

Они неохотно приняли предложение, но другого выхода не было. После исчезновения Копакабаны точка в Форчелле окончательно закрылась.

Так они стали работать везде, где требовалось залатать дыры. Арестованные марокканцы, заболевшие пушеры, ненадежные парни, отстраненные от дел. Работали на клан Мочерино в квартале Санита, на Пезакане из Кавоне, иногда их посылали даже в окрестности Неаполя – в Торре-Аннунциату помочь клану Витиелло.

Постоянного места продажи наркотиков у них не было. Работали то на площади Беллини, то на вокзале. Им всегда звонили в последний момент, их номера телефонов были у каждой мелкой сошки каморры. Николасу это надоело, он все меньше и меньше занимался сбытом и все больше времени проводил дома. Те, кто был постарше, хорошо зарабатывали, хоть ничего из себя и не представляли, их ловили, сажали в Поджореале, потом отпускали: Уайт предлагал паршивую работенку. Но, кажется, им улыбнулась удача.

Такой вкратце был смысл сообщения, полученного Николасом от Агостино в тот самый момент, когда он стоял под окнами Летиции и пытался объяснить ей, что унижение Ренатино было доказательством его, Николаса, любви.

– Парни, Копакабана вернулся в Неаполь, – выпалил Агостино, как только подъехал Николас. Они с Бриато стояли, не заглушая мопедов, на последнем повороте по дороге к “Новому махараджe”. Отсюда ресторан казался еще более внушительным.

– Ну и дурак, его точно теперь возьмут, – сказал Бриато.

– Ладно, Копакабана вернулся по важному делу.

– Дать нам работу, конечно! – Бриато посмотрел на Агостино и улыбнулся. Впервые за этот день.

– Да-а-а-а! Я серьезно… Не верите? Он вернулся, чтобы организовать свадьбу Котяры и Виолы Стриано, парни!

– Ты серьезно? – спросил Николас.

– Да. – И для убедительности прибавил: – Чтоб мне сдохнуть!

– То есть эти из Сан-Джованни будут у нас тут распоряжаться…

– Да плевать, – ответил Агостино. – Копакабана здесь и хочет нас видеть.

– Где?

– Здесь, говорю тебе, сейчас… – Он махнул рукой в сторону ресторана. – Остальные уже едут.

Возможность все изменить. Николас знал, чувствовал, что она представится. Вот она. Нужно пользоваться случаем. С сильными нужно быть сильным. Конечно, он не знал, что будет дальше, но кое?какие соображения у него были.

Дурные мысли

Копакабана парковал возле ресторана пикап “Фьорино”, забитый какими?то инструментами. Заметив подъехавших мальчишек, он вышел из машины. Приветствуя, щипал их за щеки, как малышей, а они не возражали. Он заметно исхудал и был бледен: длинные волосы, всклокоченная борода, уставшие глаза с красной сеткой капилляров. Скрываясь от правосудия, не расслабишься. Однако этот человек мог вернуть им утраченный авторитет.

– Вот они, мои мальчуганы… Ну, ребятки, идем со мной, вы мне подыграете… остальное я сам.

Копакабана обнял Оскара, владельца “Нового махараджи”. Отец его отца купил это заведение лет пятьдесят назад. Оскар был толстяк, предпочитавший рубашки от портного с вышитыми инициалами, но строго на размер меньше, поэтому пуговицы на животе всегда с готовносью выскакивали из петель. Оскар робко ответил на объятия, не приближаясь к Копакабане вплотную: чего доброго, увидит кто чужой.

– Я хочу оказать тебе большую честь, дорогой Оскар…

– Слушаю тебя…

– Диего Фаелла и Виола Стриано будут праздновать свадьбу у тебя… здесь… – И он уверенно обвел руками зал, как будто все принадлежало ему.

Услышав эти фамилии, Оскар изменился в лице.

– Копакабана, для тебя – все что угодно, но…

– Не такого ответа я ждал…

– Ты же знаешь, я ни с кем не хочу ссориться, но как главный акционер этого заведения… наша политика заключается в том, чтобы не впутываться в…

– В…?

– В сложные ситуации.

– Однако деньги из сложных ситуаций вы черпаете охотно.

– Мы отовсюду черпаем деньги, но эта свадьба… – Он не закончил фразу, не было необходимости.

– Почему ты отказываешься от такой чести? – удивился Копакабана. – Представь себе, сколько свадеб у тебя будет потом.

– Еще на прослушку поставят.

– Да какая прослушка? К тому же официанты будут не твои, мои ребята за них поработают…

Агостино, Николас, Дохлая Рыба, Бриато, Чупа-Чупс, Зубик и все остальные не ожидали такого поворота, они никогда не работали официантами и не представляли, что от них требуется. Но если так решил Копакабана, значит, так надо.

– Ах, Оскар, не уверен, что ты правильно меня понял: они дают тебе сразу двести тысяч евро… на эту свадьбу, на этот праздник…

– Знаешь, Копакабана… даже ради этих денег для нас, в самом деле…

Копакабана развел руками, разговор был окончен.

– Ну тогда все. – Уязвленный отказом, он вышел из зала. Мальчишки за ним, как голодные щенки.

Николас и его друзья были уверены, что это всего лишь игра, что Копакабана вернется назад, злющий, с налитыми кровью глазами, разобьет Оскару лицо или достанет припрятанный где?то пистолет и выстрелом раздробит ему колено. Ничего подобного не произошло. Копакабана сел в свой “Фьорино”. Опустил стекло и сказал:

– Я пошлю за вами. Устроим эту свадьбу в Сорренто: нужны наши парни, никаких официантов из агентства, этих точно засылает финансовая полиция.

Копакабана поехал в Сорренто и там организовал свадьбу двух царствующих семей. “Вау, у них супермегасвадьба на побережье, но у нас, любовь моя, будет еще круче!!!” – написал Николас Летиции, которая все еще сердилась на него из?за истории с Ренатино и только через час написала в ответ: “А кто сказал, что я за тебя выйду?” Но Николас был уверен. Эта свадьба будила в нем мечты, он забрасывал Летицию сообщениями, строил планы и описывал подробности их предстоящего пышного торжества. Они любили друг друга, вот и все, но сейчас он должен был взять остальное, войти – хоть со служебного входа – в мир, который еще властвовал, но терял власть.

Феличано Стриано сидел в тюрьме. Брат его сидел в тюрьме. Дочь решила выйти замуж за Диего Фаеллу по прозвищу Котяра. Клан Фаелла из Сан-Джованни-а-Тедуччо, периферии Неаполя, промышлял рэкетом, контролировал строительный рынок, политические выборы и распределение пищевых продуктов. Сфера их деятельности была безграничной. Им принадлежали все магазины беспошлинной торговли в аэропортах Восточной Европы. Диего Фаелла был человеком жестким: все, включая газетные киоски и уличных торговцев, платили дань в казну клана в соответствии с заработком, а он упивался своим благородством. И своей добротой. Дочь Феличано Стриано, Виола, много лет

жила далеко от Неаполя, окончила университет, получила образование в сфере моды и дизайна. Вообще?то она не Виола, ее звали так, потому что она терпеть не могла имя Аддолората, унаследованное от бабушки, а его более приемлемый вариант, Долорес, уже был занят целой армией ее двоюродных сестер. Тогда она сама выбрала себе имя. Еще ребенком подошла к матери и объявила свое новое имя – Виола. Она вернулась в город, после того как мать все?таки решила расстаться с отцом. Дон Феличано нашел себе новую жену, но мать Виолы не давала ему развод – как была сварливой бабой, такой и осталась, – и Виола приехала поддержать ее в тяжелую минуту. Мать жила в своем доме в Форчелле, дон Феличано съехал и поселился неподалеку. Семья – священный союз, и Виола воспринимала семью именно так, это было у нее в крови, а разве можно сменить кровь? С какой родился, с такой и умрешь. Но потом дон Феличано решил сотрудничать с полицией, и тогда Виоле пришлось развестись с ним как с отцом. Аддолорату Стриано внесли первым номером в программу защиты свидетелей. Чтобы увезти ее как можно дальше от Форчеллы, карабинеры в штатском подъехали к ее дому в бронированном автомобиле. И тут началось представление: Виола орала с балкона, плевалась и осыпала эскорт проклятиями: “Убирайтесь! Сукины дети, продажные твари! Мой отец умер. У меня нет и никогда не было отца! Убирайтесь прочь!” Так она отказалась от защиты, не стала сотрудничать со следствием, отреклась от отца и от его братьев. Очень долго не выходила из дома, сидела взаперти и рисовала одежду, сумки, украшения. Время от времени на ее балкон прилетали фигуральные оскорбления: пакеты с собачьим дерьмом, мертвые птицы, кишки голубей. А потом пошли бутылки с зажигательной смесью, от которых загорались занавески, граффити на стенах домов, закопченная кнопка домофона. Никто не верил ее словам, тем не менее она стойко выдерживала нападки. Пока в ее жизни не появился Котяра. Беря в жены Виолу, Диего Фаелла одним махом снимал с нее все подозрения, освобождал из клетки, в которую она добровольно себя заперла. Но главное, Диего Фаелле досталась не только здоровая кровь семьи – ему досталась Форчелла.

Говорили, что Котяра долго за ней ухаживал. Виола обладала пышными формами, у нее были отцовские глаза – ослепительно синего цвета, и выдающийся нос, она всю жизнь не могла решить, переделать его или оставить как есть, в итоге убедила себя, что это ее изюминка. Виола была из тех женщин, которые прекрасно осведомлены о том, что происходит вокруг, но при этом главное правило для них – делать вид, что они не в курсе. Бракосочетание Диего и Виолы означало слияние двух крупнейших кланов. Могло показаться, что брак между ними заключался по расчету, как принято у аристократов: в сущности, эти семьи и представляли самый цвет каморристской знати, они не сходили со

страниц газет и журналов. Возможно, Виола жертвовала собой, но Котяра, казалось, влюбился всерьез. Многие были уверены, что решающим моментом в завоевании Виолы стало предложение ей должности дизайнера в компании по производству дорогих сумок, контролируемой кланом Фаелла. Но досужие сплетни Виолу не интересовали: для нее эта свадьба должна была стать триумфом Любви. Если уж она сама выбрала себе имя, она знала, как распорядиться своим будущим.

Как и обещал Копакабана, через несколько дней все получили сообщение. Николас сказал матери:

– Пригласили поработать на свадьбе официантом. Я серьезно.

Мать всматривалась в его лицо под мягкой волной светлых волос. Она пыталась найти в его словах, в его глазах то, что знала, и то, чего не знала. То, что могло быть правдой, и то, что правдой быть не могло. Дверь в комнату Николаса была открыта, и мать вошла, отыскивая взглядом подсказки на стенах, на старом, брошенном на пол рюкзачке, на футболках, сложенных на кровати. Пыталась соотнести новость (“пригласили поработать официантом”) с той стеной, которую усердно возводил сын после их вызова в полицию. Она понимала: если в тот раз его не забрали в Низиду, то не потому, что он невиновен. Она догадывалась, чем занимается Николас, а если не догадывалась, легко могла вообразить себе, в отличие от отца, который не сомневался в светлом будущем сына и беспокоился лишь о его небрежном отношении к учебе. Материнские глаза сверлили самую плоть. Заперев подозрения глубоко в сердце, она обняла сына: “Молодец, Николас!” Он не отстранился, и она положила голову ему на плечо. Отдалась вдруг нахлынувшей волне. Закрыла глаза и вдохнула запах сына. Она боялась, что теряет его, но сейчас ей казалось, что он здесь и все возвращается на свои места. Ей хотелось думать, что все можно начать сначала. Николас не прижался к матери, но, подыгрывая, положил руки ей на плечи. “Хоть бы не расплакалась”, – подумал он, приняв проявление нежности за слабость.

Руки разжались, и матери ничего не оставалось, как уйти. Они помолчали, изучая друг друга, выжидая. Николас в этом объятии чувствовал снисходительность, которой одаривают родители, когда хотят добиться чего?то от детей, хотят, чтоб они занялись, наконец, делом. А мать Николаса утешало, что он проявил странное великодушие, стараясь убедить ее в том, что вернулся к нормальной жизни. Да какая там нормальная жизнь! У него в голове такое, что

мне становится страшно. Разве я не вижу этих мыслей? Дурные, страшные, будто сын хочет отомстить за обиду. А какая обида? Разве была обида? Муж ничего не замечает. Нет, совсем ничего. По ее пристальному взгляду Николас понимал, что мать о чем?то догадывается, он видел ее метания между уверенностью и сомнением.

– Мама, ты что, не веришь мне? Иду работать официантом. – И он изобразил, будто удерживает на руке невидимую тарелку. Напряжение отступило, и мать наконец?то улыбнулась:

– Какой ты получился у меня блондин! – засмеялась она, заглушая свой внутренний голос. – Какой получился красавец!

– Хороший официант у тебя получился, мама. – Он развернулся, но чувствовал, что мать еще смотрит ему в спину. Она и вправду смотрела.

Филомена, Мена, мать Николаса, открыла прачечную на улице Толедо неподалеку от площади Данте, между базиликой Святого Духа и улицей Форно-Веккьо.

Раньше там была химчистка, и ее владельцы, двое старичков, передали все дела Филомене за чисто символическую арендную плату. Она заказала новую вывеску: на голубом фоне надпись “Blue Sky”, а ниже “Чистота – небесная” – и принялась за дело, наняв сначала двух румын, а затем семейную пару перуанцев. Он – маленький, субтильный, неразговорчивый, но гладил идеально, а она – дородная, всегда с улыбкой на круглом лице, так поясняла молчание супруга: “Escucha mucho”[10 - “Ко всему прислушивается” (исп.).]. Мена в молодости работала в ателье и умела шить вручную и на машинке, так что прачечная “Blue Sky” предлагала клиентам и несложную починку одежды. Вообще?то это считалось уделом индийцев, так говорили, но нельзя же оставлять всю черную работу индийцам, пакистанцам и китайцам.

Крохотная прачечная была заставлена машинами и стеллажами, где складывались одежда и белье. Небольшая задняя дверь вела в темный двор. Эта дверь была всегда открыта: летом – чтобы дать прохладу, зимой – немного проветрить помещение. Иногда Мена стояла у выхода, уперев руки в крутые бока, небрежно откинув черные как смоль волосы, и смотрела на улицу, на

прохожих и постепенно начинала узнавать своих клиентов (“Синьора, пиджак вашего мужа теперь просто конфетка!”), и ее узнавали тоже.

“Видишь, сколько одиноких мужчин, – говорила она себе. – Здесь, в Неаполе, их не меньше, чем на севере, и всем им нужно постирать, погладить, зашить. Неприметно приходят, оставляют, забирают, уходят”. Мена изучала привычки этого района, который был для нее чужим и в котором она была, в сущности, чужой: Мена из Форчеллы. Однако прежние хозяева ей помогли, обеспечили условия. Трудно начать свое дело, если за тебя никто не ручается. За нее поручились. Она не представляла себе, как долго проработает здесь, но между тем ей доставляло радость вносить вклад в семейный бюджет. Преподаватель физкультуры не может содержать семью, а ее муж был слепым, если можно так выразиться, не замечал трудностей, не видел, в чем нуждаются дети, попросту не видел. Ей приходилось все решать и защищать этого мужчину, которого она продолжала любить. Орудуя в прачечной утюгом, она подолгу смотрела на фотографии детей, закрепленные между календарем и доской из пробкового дерева, к которой был пришпилен ворох квитанций. Кристиану три года. Николасу тогда было восемь. И еще одна недавняя: Николас с копной белокурых волос. Кто бы мог подумать, что это ее сын. Но поставь его рядом с отцом – все станет понятно. Она мрачнела, вглядываясь в его юношескую красоту, мрачнела, потому что отчасти догадывалась, отчасти слышала, отчасти хотела бы знать и каким?то образом умудрялась узнавать – конечно, не в лицее, там вообще всем было наплевать, и не у Летиции, и даже не у этих его дружков-хулиганов, которых Николас старался держать подальше от дома, чтобы мать чего не разнюхала. Ведь ничего хорошего она точно не узнала бы. Он вел себя как обычно, и это ее не пугало. Она боялась, что однажды кто?то скажет, что она услышит однажды: “Этот парень с виду такой хороший, а в голове дурь”. Да уж, дурные мысли. И дурная компания. Откуда они взялись? И как, как его отвадить? Ей вспомнилась знакомая с детства поговорка, что?то вроде “Пусти черта в дом, не вышибешь и лбом”. Но кто здесь черт? Она видела, чувствовала, что ее Николас связался с чертом и надо что?то сделать, возможно, самую малость, чтобы разорвать эту связь. Черт держит в страхе. “А может, – размышляла она, убирая шелковое платье, оставшееся на столе, – может, я зря нагоняю тучи”. И она ерошила свои густые, непослушные волосы, наблюдая за Escucha mucho, который тщательно разглаживал утюгом белую рубашку.

– Ты смотри поаккуратней, это же рубашка от Фузаро. – Она могла бы этого и не говорить, но зачем?то сказала. Ей вспомнился один воскресный день, много лет назад. Тогда она что?то почуяла, но только сейчас увязала свои ощущения с дурными мыслями, с чертом, с вызовом в полицию. Они гуляли у моря, все

вчетвером, неподалеку от виллы Пиньятелли. Она катила коляску с маленьким Кристианом. Было жарко. Солнце упиралось в ставни, обшаривало пальмы и кустарники так, словно собиралось вытравить всю оставшуюся тень.

Николас вприпрыжку бежал вперед, отец едва поспевал за ним. И вдруг какая?то странная, пронзительная тишина, а следом – эти звуки. Кто?то бежит в бар, или, возможно, это был ресторан. Раздается выстрел и сразу же еще один. Люди на тротуаре замерли, кто?то успел убежать. И даже поток машин на набережной как будто остановился. Грохот падающих столов. Звон разбитой посуды. Мена оставляет коляску мужу и догоняет Николаса, схватив его за шкирку. Он вырывается, удержать его нелегко. Все стоят как вкопанные, словно в детской игре, когда тебя касается “колдун” и ты должен сделаться неподвижным, как статуя. Потом на пороге бара появляется какой?то тощий тип, на шее болтается галстук, темные очки подняты на лоб. Он озирается по сторонам и видит простор и дорогу, которая впереди поворачивает под прямым углом. Недолго думая человек пробегает несколько метров, сворачивает вправо и, упав на землю, мелкими, но энергичными движениями ползет под припаркованную машину. Человек с пистолетом тоже выходит на свет, делает один шаг, а затем замирает, стоит неподвижно, как и все вокруг. Озираясь, он замечает на тротуаре через дорогу какого?то типа, который смотрит на него и знаками указывает на ту машину за углом. Едва заметный жест, который лишь подчеркивает общую неподвижность. Человек с пистолетом не бежит за тем, кто спрятался под машиной. Он медленно идет, поглаживая оружие. Ловко приседает, опускает руку к самой дороге, параллельно асфальту, щекой касаясь дверцы автомобиля, как врач, прослушивающий пациента. И в этот момент стреляет. Два, три раза. И еще, и еще, поворачивая дуло пистолета. Мена чувствует, что Николас вырывается. Едва стреляющий человек исчез, Николас, воспользовавшись тем, что хватка Мены ослабла, бросился к припаркованному седану.

– Там кровь, кровь, – кричит он, указывая на вытекающую из?под машины струйку, падает на колени и видит то, чего другим не видно. Мена прыжком догоняет его и тянет прочь, схватив за полосатую футболку.

– Это не кровь, – говорит отец, – это варенье. – Николас не слушает, ему интересно посмотреть на убитого. Мать с трудом оттаскивает его прочь. Ее семья, все они неожиданно становятся теперь главными героями этой сцены. Кровь вытекает уже ручьями, поскольку дорога в этом месте идет под уклон. Единственное, что может Мена, – это оттолкнуть ребенка подальше, грубовато,

резко, но не унять его бесстрашного любопытства, отношения к происходящему как к игре.

Иногда ей вспоминается тот день и ее сын, которому было тогда столько же лет, сколько на фотографии, которая висит у нее в прачечной. И тогда будто что?то сжимается у нее в животе, сдавливается невидимыми тисками.

В чем я виновата? Она в ярости возвращается к утюгу, и ей кажется, что этот утюг, эта прачечная, эта работа – стирать, чистить, гладить – имеют что?то общее и с ее материнской работой. Николас ничего не боится, говорит она себе, и ей страшно это признать. Но это так, это же очевидно. Его лицо, отмеченное чистотой юности, чистое, как небо – какое уж там blue sky, – это лицо не могут затемнить дурные мысли, они сидят где?то глубоко под кожей, а лицо продолжает изливать свет.

Раньше она думала, не привести ли его сюда, в прачечную, после школы. Да какая там прачечная, какая школа! Она даже улыбнулась. Николас вместо перуанца гладит рукава белоснежной рубашки. Пусть уж лучше будет там, где он есть. Но где он есть? И, чтобы избавиться от странного ощущения, будто мурашки по коже бегают, она идет к выходу и горделиво встает в дверном проеме, чувствуя, как весь мир любуется ею.

Свадьба

За день до свадьбы всем полагалось пройти ускоренный курс молодого официанта. Копакабана выбрал опытного метрдотеля, повидавшего немало подобных свадеб. Говорили, что он был в тюрьме Азинара, когда женился Кутоло, и резал там свадебный торт[11 - Остров Азинара у северо-западного побережья Сардинии – один из самых живописных в Средиземном море.
До 1988 года там находилась тюрьма для особо опасных преступников.
С 1997?го на острове учрежден национальный парк, а тюрьма стала одной из туристических достопримечательностей.Раффаэле Кутоло (р. 1941) – неаполитанский каморрист, известный также под кличкой Профессор, в конце 70?х – начале 80?х годов создал и возглавил мафиозную сеть “Новая организация каморры” (итал. Nuova Camorra Organizzata). В 1982 году по личному решению президента Итальянской Республики был переведен из

тюрьмы в Асколи-Пичено в тюрьму строгого режима на острове Азинара, где содержался несколько лет в качестве единственного заключенного.]. Ерунда, конечно, но человек надежный. Николас с друзьями подъехали к ресторану и кое?как побросали свои скутеры: метрдотель уже ждал их у служебного входа. Неопределенного возраста – за пятьдесят, но еще не семьдесят, костлявый, худое лицо с выступающими желтыми скулами. Он стоял неестественно прямо, костюм от Дольче и Габбаны: узкий галстук, черные брюки и пиджак, до блеска начищенные ботинки, белоснежная рубашка. Все, конечно же, безупречно, однако на нем эта одежда казалась несуразной: деньги, выброшенные на ветер.

Парни слезли с мопедов, однако продолжали вести себя так же, как и до этого в седле: орали и посылали друг друга. Копакабана предупредил, что их встретит метрдотель и все объяснит: как ходить, когда и какие блюда выносить и как себя вести. Одним словом, он был назначен генералом этой армии импровизированных официантов. В отряде не хватало Бисквита, который был слишком мал ростом для роли официанта, и Драго, бывшего среди гостей, поскольку приходился невесте двоюродным братом. Метрдотель, заранее получивший список с именами мальчишек, приготовил им форму.

Человек в “Дольче и Габбана” откашлялся – этот резкий и какой?то нелепый звук заставил всех обернуться, – потом ткнул костлявым пальцем в служебную дверь и исчез внутри. Тукан хотел что?то сказать, но Николас отвесил ему подзатыльник и пошел за метрдотелем. Друг за другом, не говоря ни слова, все вошли внутрь и оказались на кухне. Молодожены хотели элегантности и простоты. Все должны быть одеты в костюмы от Дольче и Габбаны – любимых стилистов Виолы. Метрдотель говорил писклявым голоском, что еще более затрудняло определение его возраста. Он выдал всем упакованные в пакеты костюмы и велел идти в подсобку переодеваться. Когда все вернулись, он выстроил их в ряд у сверкающей панели из нержавеющей стали, где находилась плита, и достал список.

– Чиро Сомма.

Дохлая Рыба сделал шаг вперед. Брюки висели на нем, как обычные его рэперские штаны: болтались так, чтобы было видно резинку от трусов “Гуччи”. Дохлой Рыбе нравилась просторная одежда, скрывающая лишние килограммы, но метрдотель тем же костлявым пальцем дал понять, что так не пойдет, брюки надо подтянуть.

– Винченцо Эспозито.

Чупа-Чупс и Чёговорю хором ответили: “Здесь” – и подняли руки. Они учились в одном классе с начальной школы и каждый раз при перекличке повторялась эта сценка.

– Ты, прыщавый, – сказал метрдотель, и Чёговорю покраснел, отчего угри на его лице воспламенились еще больше. – Ты нам подходишь, только спину выпрями. Будешь уносить тарелки, гости не должны видеть твоего лица.

Парни, конечно же, не привыкли к такому обращению, но Николас внушил им, чтоб не бунтовали, все должно пройти гладко. Любой ценой. Значит, надо терпеть этого придурка метрдотеля. Чупа-Чупс улыбался в усы, которые, даром что парню было всего четырнадцать, росли как у взрослого. Тонкая полоска растительности спускалась от висков, огибала подбородок, губы и шла дальше, завершая круг. Рубашка сидела на нем идеально – вот что значит накачанный в спортзале пресс, – а брюки скрывали худые ноги, которым он не уделял столько внимания, как верхней части тела, включая орлиные брови.

– Ты, долговязый, – метрдотель указал на Бриато. – Ты займешься свадебным тортом. Там будет семь ярусов, мне нужен кто?то, кто достанет до верха.

Галстук у Бриато на выступающем животике постоянно съезжал вбок, но черные волосы, зачесанные назад с помощью геля, были великолепны.

– Агостино Де Роза.

Спичка никуда не годился. Он высветлил себе волосы, полный отстой – Николас всерьез разозлился, когда это увидел, – а воротник рубашки не прикрывал татуировку на груди: огненно-красное солнце, лучи которого доходили до кадыка. Метрдотель пару раз потянул вверх его воротничок, но лучи все равно вылезали. Была бы на то его воля, он пинком отправил бы Спичку домой, официант из него никудышный, но Копакабана просил особо не налегать, так что метрдотель перешел сразу к концу списка. Остальных вызвал группой, хотел посмотреть, как они будут двигаться с фарфором и хрусталем в руках.

– Николас Фьорилло, Джузеппе Иццо, Антонио Старита, Массимо Реа.

Вперед вышла незавидная команда. Метрдотель подошел к тем, которые были пониже ростом – Зубику и Дрону, костюмы висели на них как пижамы (они подвернули рукава и штанины), – и выдал по две тарелки каждому, по одной в руку. Потом повернулся к Тукану и уже без всяких комментариев – время поджимало – вручил ему серебряный поднос, на котором позвякивало несколько фужеров. Николаса метрдотель изучал дольше всех, оценивал, насколько большую нагрузку выдержат эти широкие плечи, подтянутый торс, крепкие ноги. Попросил вытянуть руки – костюм сидел на нем как влитой – и положил по две тарелки справа и слева, на ладонь и предплечье. Потом велел всем четверым обойти вокруг кухонного острова, делившего помещение на две равные части. Зубик и Дрон описали круг почти бегом, и метрдотель сделал им замечание. Движения должны быть плавными, это вам не “Макдоналдс”. Тукан неплохо справился с задачей, лишь в конце один из фужеров завалился на бок, к счастью, не задев остальных. Николас завершил круг, покачиваясь, будто шел по канату. Но в итоге и он обошелся без потерь. Метрдотель почесал подбородок костлявой рукой и задумчиво сказал:

– Еще разок.

Николас поставил тарелки на кухонный остров и сурово посмотрел на метрдотеля, которому пришлось подняться на цыпочки, чтобы выдержать взгляд.

– Мы закончили, понятно?

Метрдотель и бровью не повел, только вытянулся вверх еще больше, а потом стукнул каблуками об пол.

– Порядок, – коротко ответил он.

Копакабана знал, что рискует. Будучи в бегах, появиться на такой пышной свадьбе с таким количеством гостей – слух о его возвращении мог разлететься мгновенно, пусть даже на подобных торжествах всем гостям предлагалось оставить телефоны на специальном столике у входа и пользоваться ими только в специальной комнате.

Николас примерил ливрею и тренировался в выносе блюд, когда появился Копакабана, руководящий всеми приготовлениями. Он привел себя в порядок. Волосы больше не торчали в разные стороны, и, возможно, он их даже покрасил. Взгляд прояснился, но глаза оставались красноватыми.

– Копакабана, а не опасно это… когда столько людей? Тебя же увидят.

– Еще опаснее, когда тебя не видят, когда приходится скрываться. Понимаешь, что это значит?

– А что тут понимать? Что ты в бегах, это все знают.

– А вот и нет, Николино… если на свадьбе ты видишь пустой стул за столом, как ты поступишь?

– Ну, кого?нибудь на него посажу.

– Вот именно! Молодец. Это значит, что, если мой стул на этой свадьбе будет пустовать, ребята из Сан-Джованни-а-Тедуччо посадят туда кого?то из своих. Вот и подумай, что опаснее: показаться или скрываться, зная, что тебе найдут замену?

– Ты хочешь показать этим Фаелла. Черта с два! Это моя территория. Я еще тут.

– Ну ты понятливый. Я приду с женой и детьми, пусть видят.

– По-моему, это опасно…

– Здесь везде мои парни… но мне приятно, что ты беспокоишься о дядюшке Копакабане, значит, я хорошо тебе плачу…

И грянул бал в королевстве Сорренто. Николас живо представил себе все это: официанты, актеры – все должны были играть отведенные им роли на этой ярко освещенной сцене. Броситься в омут очертя голову. Скорее, скорее, друг за дружкой. Какая?то магия была во всем этом. Предчувствие, ожидание чего?то читалось в лице Николаса, в лицах его друзей.

Пир, следующий за свадебной церемонией, удался на славу. Копакабана хвалился, что ничего не упустил в организации праздника. Говорил, что ничего не бывает “слишком”, нужно еще больше роскоши, потому что изобилие – родная сестра благополучия. Голуби? Да сколько угодно. Каждый вынос блюд сопровождался полетом белых птиц. Музыкальное сопровождение? Лучшие неомелодисты со всей округи, а вечером ожидался ансамбль танцоров самбы. Оформление? Должно быть всего много! В устах Копакабаны “много” звучало как “навалом”. “Всего много, всего навалом!” Статуи, люстры, канделябры, ленты, картины, цветы. Даже в туалетах цветы – в фиолетовых тонах, в честь невесты. И воздушные шары, падающие с потолка после каждого полета голубей. Всевозможные закуски, пять первых блюд, пять вторых, триумф еды. И даже неизвестно откуда взявшийся двенадцатиметровый гобелен с изображением “Доброго правления”[12 - “Аллегория доброго и дурного правления в городе и деревне” – фрески Амброджо Лоренцетти, написанные в зале Девяти сиенского Палаццо Пубблико (1338–1339).]. Копакабана решил повесить его за спиной молодоженов как символ.

Николас обслуживал много столиков. Все было под контролем. Вот столик Уайта, Мишки Тэда, Петуха и всех парней Копакабаны, которые тоже начинали с дворов и площадей, а сейчас претендовали на большее. Все, как обычно, под дозой, хоть они и ненамного старше Николаса и его компании. Вот столик Драго и его семейства. Как двоюродный брат невесты он наслаждался, глядя на своих сбившихся с ног приятелей. Кривой боксерский нос, съехавший набок пиджак и небрежно завязанный галстук. Драго почти не притрагивался к еде и все блюда отправлял назад, сопровождая свой отказ комментариями завсегдатая мишленовских ресторанов.

Был там и Альваро, которому в качестве премии позволили прийти на свадьбу. Маргинальный гость, он даже не сидел за столом, а вместе с другими такими же играл во дворе в карты на капоте машины. Николас выносил ему еду, а тот неизменно отвечал: “Молодец, молодец!”

Свадьба шла в своем темпе. Медленно и быстро. И еще быстрее, а потом текла медленной липкой патокой, склеивавшей всех гостей.

– Ну, сексапил, вперед, – шепнул Бриато выходящему из кухни Николасу.

– Членистоногий пошел. – Это Дрон в другое ухо. Хорошо, что Мараджа сделал широкий шаг, не то уронил бы на пол макароны с лососем и красной икрой.

Впереди был долгий вечер. Перед выступлением танцоров ожидали еще одного, последнего певца, и группа гостей, встав на стулья, выкрикивала название его самой известной песни. Но из?за фиолетового занавеса вместо певца неожиданно появился Альваро. Видно было, что он нервничал. Он подбежал к столику Копакабаны:

– Полиция! Там, на улице! – И побежал обратно, задев на ходу стул с одним из гостей, так что тот упал на пол. Смех, однако, тут же погас. Человек двадцать полицейских в штатском ворвались в зал из четырех дверей, отрезав пути побега. Случился какой?то сбой в организации прикрытия, возможно, одна из телекамер осталась незамеченной Копакабаной при осмотре, возможно, у карабинеров был свой наводчик и они пробрались через крышу, обойдя дозорных. Альваро заметил их, перекидываясь в карты. Пока карабинеры ходили между столиками, а в зале постепенно нарастал гул голосов, который разрывал воцарившуюся неожиданно тишину, Копакабана проскользнул к сцене и взглядом приказал ударнику спуститься в зал. Он занял его место и спрятался за барабанами, наблюдая с палочками в руках, как полицейские арестовывают супружескую пару из клана Фаелла. Крики, угрозы, ругательства. Обычный сценарий, финал которого всегда одинаков: наручники. У тех двоих был маленький ребенок, его отдали жене Копакабаны: поцеловали малыша в лобик – и до свидания. Передали с рук на руки, не говоря ни слова. Котяра, все время сидевший сложа руки, вдруг резко поднялся:

– Апплодисменты инспектору, он так стремится попасть на первые страницы газет, что без приглашения врывается на мою свадьбу. – Все зааплодировали, даже супруги, пристегнутые наручниками к карабинерам, пытались хлопать, урывками отвоевывая себе такую возможность. Карабинеры действовали уверенно, даже документов не спрашивали. Они взяли еще пару человек, сбежавших на свадьбу из?под домашнего ареста. Копакабана между тем успокоился, полагая, что, скорее всего, пришли не за ним – на кону была более крупная добыча. Он отложил палочки и облегченно вздохнул.

– Сарнатаро Паскуале, ударником заделался, а? – Инспектор, пробираясь среди гостей, знаками приказал своим людям подняться на сцену, этого было достаточно.

Распростертый на полу – колено карабинера придавило его меж лопаток, – Копакабана повернул голову и сказал, обращаясь к Диего Фаелле:

– Все в порядке, Котяра. Буду на крестинах твоего наследника.

Мальчишки, замерев, наблюдали за происходящим, их руки с подносами дрожали от страха.

– Ну, видел? Я же говорил, какого хрена ему было появляться здесь? – шепнул Николас Агостино. Облава закончилась, но праздник продолжался. Спектакль должен был идти до конца, так хотела невеста. Это был ее день, и никакие аресты не могли его омрачить. Так что Николас и его друзья снова принялись за работу как ни в чем не бывало. Но к полуночи все завершилось. Настроение было уже не то, к тому же новобрачным рано вставать: утром их ждал прямой рейс в Бразилию. Копакабана предусмотрел и свадебное путешествие, предоставив в распоряжение новоиспеченных супругов свой отель.

А юные официанты отправились в подсобку переодеваться, самое время снять с себя форму и получить причитающееся. Они эти деньги заработали. Николас был разочарован. Роскошь, да. Мишура, несомненно. И власть. Много власти. Он?то ждал, что будут серебряные подносы, усыпанные кокаином, а увидел конопляные мешки из какого?то антикварного магазина, в которые гостям предлагалось кидать пожертвования для семей заключенных. В мешках шуршало и звенело, Николас слышал это, проходя мимо, и не мог отделаться от желания схватить их и бежать прочь. За этот вечер им не заплатили ни гроша – ни заработанных денег, ни чаевых, – дали только бонбоньерки в виде огромной рыбы-ежа с иголками. Почему именно рыба-еж, осталось для всех загадкой. Николас решил отнести ее домой как доказательство своего труда, чтобы убедить наконец отца, который, в отличие от матери, не поверил в историю с работой на свадьбе.

Поскольку свадьба закончилась рано, Николас, Зубик и Бриато пошли в бар, все равно он никогда не закрывался, даже на Рождество. Там уже сидели парни из паранцы Капеллони: Уайт, Путь Карлито, Петух, Дикий, Мишка Тэд. Был там и Альваро, которого после облавы никто не видел. Он хотел попрощаться со всеми перед возвращением за решетку.

– Альваро, ты вернулся заплатить нам? – спросил Николас.

Поскольку Копакабану забрали в Поджореале, все усложнялось, но эти деньги были ему нужны. Им выдали по сто евро за двенадцать часов работы. Если б они толкали траву, получили бы в десять раз больше.

– Захотелось честно поработать? Пахать?то влом? – спросил Уайт. Он кружил вокруг бильярдного стола. Видно было, что он все еще обдолбанный.

– Ну да, – хмыкнул Зубик.

– Не хотите пахать…

– Будто мы не пашем с утра до вечера? – взорвался Бриато.

– Сидеть весь день на скутере – это пахать, по?твоему? – ответил Николас. – Мы как идиоты. А работали бы по?настоящему, за три часа могли бы получить столько, сколько мой отец зарабатывает за месяц.

– Сомневаюсь я… – протянул Уайт.

– А ты не сомневайся, – твердо сказал Николас. Он пообещал это, скорее, самому себе, никто не обратил на него внимания. Все смотрели на Уайта, который выравнивал дорожки кокаина на краю бильярдного стола.

– Нюхнете кокса, парни? – предложил Уайт.

Николас и его друзья зачарованно смотрели на белый порошок. Конечно, они и раньше видели его, но впервые – так близко. Просто подойти, наклониться и вдохнуть носом.

– Спасибо, брат, – ответил Бриато. Он понял, что надо делать, и остальные тоже. Все выстроились друг за другом, ожидая свой черед.

– Давай, Альваро, и ты тоже, – подначивал Уайт.

– Нет-нет-нет, что за баловство? Мне еще возвращаться.

– Да ладно, мы тебя отвезем; видишь уже поздно.

На улице стоял черный внедорожник Уайта, блестящий, будто только что из автосалона. Николас, Зубик и Бриато тоже решили поехать, раз Уайт позвал. После приема кокаина усталость как рукой сняло, они чувствовали эйфорию и невероятный прилив сил.

Уайт обнял Альваро за плечи:

– Нравится машина?

Альваро ответил:

– Да-да! – И сел впереди рядом с водителем. Мальчишки устроились сзади.

Внедорожник шел уверенно. Уайт вел машину плавно, безупречно, невзирая на дозу или как раз благодаря ей. Дорога, ведущая в Поджореале, петляла между огнями, которые напоминали Николасу вспышки сверхновых – однажды он рассматривал такую фотографию в школьном учебнике. А потом случилось это.

Машина внезапно затормозила и повернула, съезжая на грунтовую дорогу. Еще один резкий удар по тормозам – и внедорожник остановился. Мальчишки полетели вперед, схватившись за передние кресла. Когда инерция остановки вернула их на место, они увидели вытянутую руку Уайта, в которой был зажат невесть откуда взявшийся пистолет. Указательный палец сгибается два раза. Бум, бум. Голова Альваро похожа на лопнувший воздушный шар: один кусок черепа на окне, другой на лобовом стекле, а тело сразу обмякло, будто из него сбежала душа.

– Ох, зачем? – тихо спросил Николас. В этом голосе слышалось недоумение, но больше – желание понять. Зубик и Бриато сидели, зажав уши руками; расширившиеся от ужаса глаза уставились на кляксу мозгов, стекающую по рулю. Николас должен понять. У него?то мозги на месте и голова хорошо работает. Он должен понять, почему убрали Альваро, какой проступок привел его к смерти и почему Уайт взял их с собой. Что это – проверка, оказание чести, предупреждение?

– Затем. Копакабана велел.

Огни изменили цвет: приобрели фиолетовый оттенок, как и все на свадьбе. Чтобы расправиться с пассажиром, Уайту нужна была помощь, но он взял с собой их троих, а не своих парней из паранцы Капеллони. Почему? Потому что они – мелкие сошки, шушера малолетняя?

– Когда он тебе велел?

– Он сказал: передай от меня привет Пьерино, он лучше всех сегодня спел. Когда его арестовывали, сказал.

– Когда он тебе велел? – повторил Николас. Ответа Уайта он не расслышал.

– Говорю тебе, когда его арестовывали. Давай?ка, помоги мне, нужно убрать эту мерзость. – Кровь, которой пропиталась обшивка потолка, теперь капала вниз, на пустое сиденье. Зубик и Бриато не отпускали рук от ушей, даже когда внедорожник, всхрапнув, выбрался на трассу. Так и сидели всю обратную дорогу до бара. Уайт вел машину все так же уверенно. При этом болтал, не закрывая рта, но мальчишки его не слушали. Он уверял их, что Альваро похоронят как надо, не бросят тело на дороге, а еще, что нужен новый передел, поскольку взяли Копакабану. Нужно придумать, как все перекроить, говорил Уайт. Он все говорил и говорил, даже когда резко тормозил на перекрестке и тело Альваро в багажнике глухо перекатывалось, этот звук на долю секунды перекрывал его голос.

У бара они разошлись, не простившись, сели на мопеды и поехали домой. Николас летел на своем “Беверли”, выжимая максимальную скорость, стараясь ни о чем не думать. Он ехал по разделительной полосе, придерживая одной рукой руль. В другой у него был косяк, который предложил ему Уайт, прежде чем раствориться в ночи. Что?то теперь будет? Дадут ли им толкать “дурь”? И кто? Запах моря долетел до него, и в какой?то момент Николасу захотелось все бросить и пойти искупаться. Но потом желтые глаза светофоров вернули его в действительность, и он лишь поддал газу, проезжая пустынный перекресток. Альваро был ничтожество, он плохо кончил, но вообще?то этого следовало ожидать. Ведь даже Копакабану взяли, как обычного бандита, он особо не сопротивлялся, спрятался за барабанами. Сколько было слов, сколько пыли в глаза! Албания, Бразилия, мешки денег, сумасшедшие свадьбы, а попался, как

последний болван, как обычный вор. Нет, Николас не допустил бы этого. Лучше умереть, сопротивляясь. Кажется, татуировка на руке у Дохлой Рыбы – фраза из песни рэпера “50 Cent”: “Get Rich or Die Tryin’”[13 - “Стань богатым или умри в попытке сделать это” (англ.).].

Николас нажал на педаль газа, теперь дым мопеда перекрыл запахи моря. Он глубоко вздохнул и решил, что для начала нужно обзавестись пистолетом.

Китайский пистолет

Д

охлая Рыба вызвался проведать Копакабану в тюрьме. Накопилось много вопросов, нужно было получить ответы. Чего ждать? Кто займет свободный престол в Форчелле? Николас чувствовал себя, как в детстве, когда прыгал в море со скал на побережье Маппателла. Он знал, что в полете уже не страшно, но перед прыжком ноги дрожали всегда. Вот и сейчас дрожали, но не от страха. От волнения. Он готовился нырнуть в жизнь, о которой всегда мечтал, но прежде должен был получить одобрение Копакабаны.

Когда Дохлая Рыба вернулся из тюрьмы, они встретились в баре. Николас резко оборвал описание комнаты встреч, деревянной стойки и низкой стеклянной перегородки, отделявшей посетителя от заключенного.

– Даже дыхание Копакабаны чувствовал. Помойкой воняет.

Николас хотел услышать слова Копакабаны, точные слова.

– Рыба, что он тебе сказал?

– Я же тебе все объяснил, Мараджа. Нужно набраться терпения. Мы ему как дети. Успокойся.

– А еще что он сказал? – не унимался Николас. Он расхаживал взад и вперед. В баре было пусто, какой?то старичок задремал у игровых автоматов, бармен ушел

в кухню.

Дохлая Рыба перевернул бейсболку козырьком назад, будто козырек мешал Николасу понять его.

– Как тебе еще объяснить, Мараджа? Он сидел там и смотрел на меня. Не волнуйтесь, говорит, все в порядке. Сказал, чтоб мне сдохнуть, что позаботится о похоронах Альваро, хороший был человек. Потом встал и сказал, что ключи от Форчеллы в наших руках, какую?то ерунду, в общем.

Николас остановился. Ноги больше не дрожали.

Только Николас и Тукан пошли на похороны Альваро. Кроме них двоих, была старушка, они поняли, что это мать, и какая?то молодая женщина в мини-юбке. На юное двадцатилетнее тело было прикручено лицо, на котором отразились все прошедшие через нее клиенты. Вне всяких сомнений, одна из румынских проституток, которых Копакабана дарил Альваро. Возможно, она всерьез привязалась к нему, иначе не стояла бы сейчас у гроба, сжимая в руках носовой платочек.

– Джован Баттиста, Джован Баттиста, – причитала мать, опираясь на эту женщину. Шлюха, конечно, но ведь испытывала чувства к ее непутевому сыну.

– Джован Баттиста? – переспросил Тукан. – Ничего себе. Имя – говно, и конец у него – говно.

– Это Уайт – говно, – отрезал Николас. В голове у него на секунду объединились две картинки – мозг Альваро, размазанный по стеклу, и эта женщина с крепкими ногами.

Он жалел Альваро, хоть и не понимал почему. Не понимал даже, что испытывает сейчас боль. Этот бедолага всегда принимал их всерьез, вот что было ценно. Не дожидаясь окончания панихиды, они вышли из церкви. Мысли их были теперь совсем далеко.

– Сколько у тебя с собой? – спросил Николас.

– Так, ерунда. Но дома есть триста евро.

– Отлично, я взял с собой четыреста. Надо раздобыть пистолет.

– И где, интересно, мы его раздобудем?

Они остановились на ступеньках церкви. Вопрос был крайне важным, решить его необходимо, глядя друг другу в глаза. Николас не знал, какой именно пистолет им нужен, он просто поискал в интернете. Главное – обзавестись пушкой, так, на всякий случай.

– Я слышал, что китайцы продают старое оружие, – сказал он.

– А смысл? Не проще спросить у парней Капеллони?

– Нет, нельзя. Это люди Системы, они донесут Копакабане, хоть он и в тюрьме. Он сразу все поймет и не даст своего согласия, потому что наше время еще не пришло. А китайцам до Системы нет никакого дела.

– А им кто сказал, пришло их время или не пришло? Они свое время упустили, теперь наша очередь брать свое.

Для Николаса такой вопрос не стоял. Это вопрос для тех, кто никогда и никем не будет командовать. Время в понимании Николаса имело только две формы и никакой середины. Он всегда помнил историю, услышанную на улице, одну из тех, в которых размыты границы между правдой и вымыслом, но которые никогда не ставятся под сомнение, разве что обрастают новыми подробностями, усиливающими назидательный эффект. Жил-был парень, длинноногий подросток. Как?то раз к нему подошли двое и спросили, сколько времени.

– Полпятого, – ответил он.

– Сколько времени? – не отставали те двое, и он повторил свой ответ.

– А сколько у тебя есть времени действовать? – спросили его еще раз, а потом на асфальте лежало остывающее тело. История без особого смысла, но не для Николаса, быстро усвоившего урок. Время. Стремительное время захвата власти

и неторопливое время за решеткой, когда эта власть растет. Он должен был выбрать, как использовать свое время, но не мог пока претендовать на власть, ее еще нужно было захватить.

Николас молча направился к своему “Беверли”, Тукан за ним, уселся сзади, размышляя о том, что, вероятно, сболтнул лишнее. Заехали домой за деньгами, потом скорее в Чайна-таун, в район Джантурко. Джантурко – квартал-призрак: заброшенные ангары, кое?какие работающие заводики, и только склады китайских товаров, выкрашенные в красный цвет, оживляют серый мрачноватый ландшафт с выплеснутым на разбитые стены и ржавые двери гневом. Джантурко звучит по?восточному: что?то желтое, поле пшеницы, но на самом деле это фамилия одного министра. Эмануэле Джантурко, министр только что объединенной Италии, разрабатывал основы гражданского права как гарантии справедливости. Юрист, у которого больше нет имени, данного ему при рождении, сегодня присматривает за старыми заводскими корпусами и воняет бензином. Когда в Неаполе еще существовала промышленность, это был промышленный район.

Николас помнил это место совсем иным. Он был здесь несколько раз в детстве. Тогда он играл в футбол за Мадонну дель Сальваторе. С шести лет вместе с Бриато в одной приходской команде, Николас нападающий, Бриато – вратарь. Однажды во время чемпионата судья подыграл команде при церкви Сакро Куоре. Там играли дети четырех чиновников из городского совета. Был назначен пенальти, и Бриато отбил мяч, однако победу не засчитали, потому что Николас вбежал в штрафную зону до свистка судьи. Нарушение, конечно, но судья мог бы закрыть на это глаза, в конце концов, обыкновенный матч, обыкновенные дети. Нет, он пошел на принцип и назначил повтор. Следующий удар Бриато тоже отбил, но и на этот раз Николас нарушил правила. Во время третьего пенальти все взоры были прикованы к Николасу, он не двинулся с места. Мяч влетел в ворота.

Отец Бриато, инженер Джакомо Капассо, медленно, с невозмутимым видом вышел на поле. Медленно достал из кармана перочинный нож и проткнул мяч. Точно так же, хладнокровно, без лишней суетливости закрыл лезвие и убрал нож в карман. Внезапно перед его лицом возникла багровая от злости морда судьи, изрыгающего проклятия. Хоть Капассо и был ниже ростом, в этом случае именно он владел ситуацией.

– Ты просто дерьмо, мне больше нечего тебе сказать, – с чувством превосходства заявил он судье.

Сдутый зеленый мяч стал разрешительным сигналом, и все, дети и родители, с криками и руганью бросились на поле. Кто?то плакал.

Инженер взял Николаса и Фабио за руки и увел прочь. Николас ощущал надежную защиту, держась за пальцы, которые только что сжимали нож. Рядом с этим человеком он чувствовал себя уверенно.

Отец Николаса стоял как вкопанный. Видно было, что ему пришлась не по душе эта сцена среди детей на приходском футбольном поле. Он ничего не сказал отцу Фабио, Бриато. Молча взял сына и ушел. Дома поставил жену перед фактом:

– Он больше не играет в футбол.

Николас пошел спать, отказавшись ужинать, но не потому, что ему было жаль расставаться с командой, как думали родители. Ему было стыдно за отца, за его слабость, за то что отец не умел проявить силу, заставить других уважать его, то есть в глазах окружающих он был полный ноль.

Николас и Тукан припарковали “Беверли” перед огромным магазином-складом китайского ширпотреба. Казалось, что стены вот-вот лопнут от распиравших их изнутри товаров. Бесконечные стеллажи, доверху набитые лампочками, канцтоварами, вышедшей из моды одеждой, детскими игрушками, петардами, поблекшими от солнца упаковками чая и печенья вперемешку с кофеварками, памперсами, рамками для фото, пылесосами и даже мопедами, которые можно купить как целиком, так и по частям. Нагромождение предметов, не поддающееся никакой логике, единственный критерий – строжайшая экономия пространства.

– Чертовы китайцы, весь Неаполь прибрали к рукам… – Тукан позвонил в звонок, возвещавший о прибытии нового клиента.

– Так и есть, – отозвался Николас, – скоро мы им платить будем, чтобы жить здесь.

– Откуда ты знаешь, что они продают оружие? – друзья обходили ряды, где один китаец безуспешно пытался всунуть костыль в кучу подобных, а другой покачивался на шаткой стремянке, закидывая наверх очередную пачку бумаги.

– Сидел в чате, мне сказали, что здесь нужно спрашивать.

– А, так, значит?

– Да, чего они только не продают. Нам нужен Хан.

– По-моему, у них денег куры не клюют, – заметил Тукан.

– Однозначно. Лампочек покупают больше, чем наркоты.

– Я бы покупал только наркоту, зачем мне лампочки?

– Наркоман чертов. – Николас, смеясь, сжал ему плечо и обратился к стоявшему рядом продавцу: – Извините, нам бы Хана.

– Кого хотите? – продавец говорил с явным неаполитанским акцентом. Друзья уставились на китайца и не заметили, как окружавший их муравейник вдруг замер. Даже парень на шаткой стремянке повернулся и смотрел на них сверху, сжимая в руках пачку офисной бумаги.

– Кого хотите? – снова спросил китаец. Николас собрался повторить свои слова, но тут средних лет китаянка, сидевшая за кассой у входа, принялась громко орать:

– Убирайтесь, вы оба, вон, вон отсюда! – Она даже не привстала со своего места, на котором удобно устроилась, чтобы целый день взымать с покупателей дань. Николас и Тукан смогли разглядеть размахивавшую руками толстуху в цветастой кофте, указывавшую им на дверь, в которую они вошли.

– Эй, синьора, в чем дело? – спросил было Николас, но толстуха не унималась: “Вон, вон отсюда!”, – а продавцы, раскиданные прежде по всему магазину, теперь потихоньку окружали их.

– Чертовы китайцы, – прошипел Тукан, уводя Николаса прочь. – Вот видишь, не надо верить тому, что болтают в чате…

– Чертовы китайцы, – повторил Николас. – Когда мы будем командовать, мы им покажем, чтоб мне сдохнуть. Этих китайцев тут больше, чем муравьев. – И он в ярости толкнул статуэтку кота, стоявшего на псевдоантичном комоде у входа. Кот взлетел и с грохотом приземлился на одну из касс, но разъяренная женщина не унималась.

Они сели на скутер, Тукан бубнил себе под нос:

– Я так и знал, что все фигня. – И поехали в направлении улицы Галилео Феррариса. Прочь от Чайна-тауна. Ничего не поделаешь.

Вскоре они заметили, что в хвост их скутеру пристроился мотоцикл. Они прибавили газу, мотоцикл тоже ускорился. Гнали на всех парах, стремясь поскорее доехать до площади Гарибальди и затеряться в потоке машин. Джимхана, дриблинг[14 - Джимхана – вид автоспорта, получивший распространение в Японии, США, Великобритании и Южной Африке. Дриблинг (от англ. “ведение мяча”) – в ряде видов спорта маневр с мячом.] среди автобусов, машин, мопедов, прохожих. Тукан все время оборачивался, проверял, не оторвался ли их преследователь, и пытался угадать его намерения. Это был китаец неопределенного возраста, однако рассерженным он не выглядел. Тут китаец принялся сигналить и махать им рукой, призывая остановиться. Они свернули на улицу Арнальдо Луччи и остановились, немного не доехав до Центрального вокзала – границы между Чайна-тауном и неаполитанской цитаделью. Николас резко затормозил, мотоцикл китайца встал рядом. Взгляды друзей были прикованы к тонким рукам китайца, вдруг ему взбредет в голову вытащить нож или того хуже. Вместо этого он протянул им руку и представился:

– Я – Хан.

– А, это ты? Какого хрена твоя мамаша выгнала нас из магазина? – взорвался Тукан.

– Это не моя мать.

– Ладно, вас не разберешь, все вы на одно лицо.

– Что вам нужно? – спросил Хан, вскинув подбородок.

– Ты знаешь, что нам нужно…

– Тогда поехали со мной. Едете или нет?

– А куда ты нас везешь?

– В гараж.

– Ладно, – они кивнули, поедут за ним. Приходилось возвращаться назад, движение в этом районе Неаполя было очень оживленным. Китаец и не подумал разворачиваться на площади; мопеды использовали пространство, оставленное между бетонными блоками пешеходам. Они выехали к отелю “Терминус”, оттуда снова на улицу Галлилео Феррариса и снова налево на улицу Джантурко. Николас и Тукан отметили, что на очередном перекрестке они свернули налево на улицу Брин. Яркие краски и суматоха остались позади. Брин – улица-призрак. На зданиях висели растяжки “Сдается в аренду”, у одного из них Хан остановился. Кивком пригласил их войти и занести внутрь мопеды. Переступив порог, они оказались во дворе, окруженном складами: одни из них были сломаны и заброшены, другие – забиты всяким барахлом. Вслед за Ханом вошли в гараж, с виду такой же, как и прочие, только внутри все было в идеальном порядке. Там лежали в основном игрушки, копии известных брендов, более или менее откровенные подделки. Выкрашенные в разные цвета бесконечные стеллажи, чего только там не было! Несколько лет назад, попав в такое место, они с ума сошли бы от счастья.

– Теперь мы знаем, что Санта-Клаус затаривается подарками у китайцев!

Хан усмехнулся. Он был неотличим от других продавцов китайского магазина, возможно, он и был там, когда они пришли, и тоже усмехнулся, узнав, что его ищут.

– Сколько у вас?

У них было больше, но решили начать с малого:

– Двести евро.

– Из-за двухсот евро я б и не пошевелился, у меня ничего нет за такие деньги.

– Тогда мы пошли, – сказал Тукан, направляясь к выходу.

– Поищите хорошенько, смотрите, что у меня есть…

Он сдвинул в сторону коробки с пластмассовыми пулеметами, куклами, ведерками и достал два пистолета:

– Это франкотт, револьвер. – И вложил его в руку Николаса.

– Черт, какой тяжелый.

Пистолет был очень старый, восьмимиллиметрового калибра, красивой в нем была только деревянная рукоятка, гладкая, сильно потертая, она напоминала камень, отшлифованный водой. Все остальное – ствол, барабан, курок – было блекло-серым, с пятнами, которые ничем уже не вытравишь. И потом от него исходило ощущение военного трофея или – еще хуже – пистолета, используемого на съемках старых вестернов; пистолета, который дает осечку два раза из трех. Но Николаса это не волновало. Он тер рукоятку, гладил ствол, а Хан и Тукан продолжали препираться.

– Исправен, да, мне привезли его из Бельгии. Могу отдать за тысячу евро… – начал Хан.

– О, похож на кольт, – сказал Тукан.

– Ну, что?то вроде, родственник.

– Он хоть стреляет?

– Да, но там только три пули.

– Надо попробовать, а то не возьму. Отдашь за шестьсот?

– Нет, коллекционеры готовы выложить пять тысяч. Клянусь, – сказал Хан.

– Да, но коллекционеры?то не подожгут тебе склад и в полицию, если что не так, не заявят… – Тукан попробовал угрожать.

Хан не дрогнул и, обратившись к Николасу, сказал:

– Ты чего за пса с собой привел? Почему он на меня лает?

– Хочешь убедиться, лаем мы или кусаем? Думаешь, мы не из Системы? – не замедлил огрызнуться Тукан.

– Ну тогда и за тобой придут.

– Да кто за мной придет?!

С каждым словом они опасно наступали друг на друга, пока наконец Николас не оборвал приятеля:

– Ну все, хватит, Тукан.

– Все, вы меня достали, убирайтесь или сейчас проверим, как он стреляет, – сказал Хан. Теперь он владел ситуацией, но Николас не собирался ее усугублять и выставил свои условия:

– Ладно, китаеза, угомонись. Один возьмем, но рабочий.

– Иди, пробуй. – И китаец вложил ему в руку оружие. Николас покрутил механизм, чтобы извлечь барабан для зарядки, но у него ничего не вышло.

Попробовал еще раз – безрезультатно:

– Черт, как она работает, эта штука? – И передал пистолет Хану, признав свое бессилие. Хан взял пистолет и сразу выстрелил, не меняя положения руки. Николас и Тукан подпрыгнули от неожиданности и тут же устыдились своей неконтролируемой реакции. Пуля начисто снесла голову пластмассовой кукле, осталось одно розовое тело. Хан надеялся, что не придется повторять выстрел.

– Да зачем нам, – начал Тукан, – этот металлолом?

– Это лучшее, что у меня есть. Или берите, или проваливайте.

– Возьмем, – отрезал Николас. – Но это дерьмо ты отдашь нам за пятьсот евро, и точка.

Николас принес пистолет домой. Спрятал его в трусы раскаленным стволом книзу. Спокойно прошел по коридору, выложенному белой и зеленой плиткой. Отец ждал его в столовой.

– Давай ужинать. Мать придет поздно.

– Ага, щас.

– Что за “щас”! Как ты разговариваешь?

– Как умею.

– Пишешь ты лучше, чем говоришь.

Отец в клетчатой рубашке сидел за столом, наблюдая за собственным сыном, как за чужеродным созданием. Столовая была небольшой, но аккуратной, можно сказать, оформленной со вкусом: простая мебель, красивые бокалы за стеклом буфета, керамическое блюдо из Деруты – трофей, привезенный из поездки в Умбрию, – где обычно лежали фрукты, скатерть с рыбками и выцветший коврик на полу. Немного перестарались с освещением, но так уж вышло. Мена хотела, чтобы в доме было много света, отцу же было все равно. Книги стояли на полках в коридоре, ведущем в гостиную.

– Позови брата, и идите за стол.

Николас, не двинувшись с места, заорал:

– Кристиан!

Отец досадно поморщился, но Николас не обратил на это внимания. Слегка убавил громкости и снова позвал брата. Прибежал Кристиан – в шортах, белой рубашечке, на лице широкая улыбка – и тут же уселся за стол, с шумом придвинув стул.

– Эй, Кристиан, знаешь же, что мама ругается. Поднимай стул, а не волочи его.

Кристиан приподнял стул вместе с собой, во все глаза глядя на брата, стоявшего неподвижно, как статуя.

– Может, ты сядешь, синьор Щас? – отец приоткрыл кастрюлю. – Я приготовил макароны со шпинатом.

– Макароны со шпинатом? Это что? Низида?

– А ты откуда знаешь, что едят в Низиде?

– Знаю.

– Он знает, – эхом повторил братишка.

– А ты помолчи, – сказал отец, наполняя тарелки, и старшему: – Сядь, пожалуйста!

И Николас сел перед тарелкой с макаронами и шпинатом, с китайским пистолетом в трусах.

– Что делал сегодня? – спросил отец.

– Ничего, – ответил Николас.

– А кто с тобой был?

– Никто.

Отец замер с вилкой у рта:

– Интересно, что значит “ничего”? И кто такие эти “никто”? – Он посмотрел на Кристиана, как будто искал у него поддержки, но тут вспомнил, что оставил на плите мясо, и убежал на кухню. Оттуда донеслось бормотание: – Никто! С ним был никто! Он же ничего не делает, понятно вам, ничего. А я пашу как проклятый на это ничего. – Последнюю фразу он повторил, внося в столовую на блюде дымящееся мясо: – Я пашу на это ничего!

Николас пожал плечами, он сидел и рисовал узоры вилкой на скатерти.

– Ешь давай, – сказал отец, увидев, что младший уже опустошил тарелку, а старший ни к чему не притронулся.

– Ну, что ты делал? В школе был? А в школе никого не было? По истории тебя спрашивали? – Он сыпал вопросами, а Николас сидел с выражением любезного безразличия, как иностранец, не понимающий язык.

– Ладно, ешь, – продолжал отец, но тут встрял Кристиан:

– Нико уже большой.

– Большой? Да где он большой? Ты лучше помолчи, а ты ешь. – Это Николасу. – Ты понял? Ешь! Пришел домой, сел за стол и ешь.

– Если я поем, потом захочу спать и не смогу делать уроки, – ответил Николас.

– Значит, будешь делать уроки? – отец оставил раздраженный тон.

Николас знал, куда бить. В школе его хвалили многие учителя, особенно по литературе: если тема ему нравилась, никто не писал сочинения лучше его. Де Марино, преподаватель литературы, еще на первом родительском собрании

сказал: “У вашего сына талант, он очень точно подмечает многие вещи и описывает их. Умеет, так сказать, – учитель улыбнулся, – улавливать звуки в этом мире и находить нужные фразы, рассказывая о них”.

Эти слова грели отцовскую душу, он пестовал их, как дитя, повторял про себя всякий раз, когда поведение Николаса его расстраивало и злило. Он всегда успокаивался, когда видел, что сын читает, учит уроки, ищет что?то в интернете.

– Не, не буду. Нет уроков. – И огляделся по сторонам, как будто хотел еще раз убедиться в несостоятельности – этих стен, этой посуды, фотографии, на которой стоял отец в спортивной форме со своими учениками: лет десять назад они выиграли очередной турнир по волейболу. Волейболу? Это что вообще? Писать сочинение про эти жалкие чемпионаты для каких?то придурков? Этого ждет от него отец? Описывать прыщавых волейболистов и их родителей-идиотов? Он вспомнил о твердом предмете, лежавшем в трусах, и машинально пощупал его.

– Что ты там щупаешь? Ты за столом! – На лбу у отца пролегла глубокая морщина, как обычно, когда он входил в роль главы семейства.

– Ешь, понял?

– Не, не хочу. – Николас посмотрел на отца пустым, ничего не выражающим взглядом, который хуже, чем открытый бунт. “Что я должен сделать?” – читал он в глазах отца. “Ты ничтожество, физрук”, – отвечал ему сын своим безразличием.

– Нужно учиться, ты молодец, у тебя получается. Я готов оплатить тебе потом серьезное образование, университет. Сможешь поехать в Англию, в Америку. Многие так делают. Да, я знаю. Возвращаются и легко находят работу. Я даже готов взять кредит… – Отец отодвинул тарелку и, чтобы не казаться жалким, набил рот и встал рядом с сыном-подростком, который в ответ на предложение оплатить ему “серьезное образование” чуть не засмеялся. Сдержался, конечно, но не из уважения к отцу, а потому, что впервые по?настоящему задумался о том, что образование, это “серьезное образование”, он смог бы оплатить себе сам. Нет, даже не так: он купит себе его сразу, как поступают настоящие боссы, а не станет, подобно остальным, брать кредиты на машину, на мопед, на телевизор. Тут в поле зрения Николаса попал братишка, чья широкая улыбка

вернула его на землю.

– Папа, мне надо сначала эту школу закончить, – сказал он, – эту дурацкую, никчемную школу.

– Нико, прекрати! Дурацкую, никчемную… Мы… – Он замолчал на полуслове.

Ужин был окончен. Отец отнес посуду на кухню, сам все убрал и, чтобы не остаться в одиночестве в этом домашнем театре, попытался возобновить разговор.

Кристиан ел молча, глядя в тарелку: он только и ждал, чтобы запереться в комнате с братом. Николас пару раз подмигнул ему и улыбнулся с видом знатока; ясное дело, он хочет рассказать что?то важное. Отец тоже заметил эту улыбку и снова взорвался:

– Какого черта, Николас?! Ты столько дров наломал! Втянулся в опасное дело. Остался на второй год. Откуда столько наглости? Тебе даны способности свыше, а ты ведешь себя как последний идиот! – Отец пользовался моментом, пока матери не было дома.

– Знакомая песня, па.

– Так выучи ее наизусть! И прекрати хамить.

– А чё я такого сделал? – Однако ему показалось, отец что?то учуял. Хоть Николас и умел хорошо притворяться, на нем неизбежно оставался налет его авантюр. Важное событие – это веревка, которая крепко тебя обвивает и с каждым твоим движением все больше впивается в тело, оставляя на коже следы, заметные всякому. Николаса, обвязанного за бедра, тянула назад веревка, закрепленная у китайского склада на улице Джантурко. Его первого оружия.

Проще всего в домашнем театре делать вид, что ничего особенного не происходит. Николас так и делал.

Когда отец решил, что урок окончен, Николас потихоньку ускользнул в свою комнату, Кристиан за ним.

– Чую, ты что?то натворил… – Кристиан сгорал от нетерпения. Николас хотел еще немного потянуть ожидание и вооружился мобильным телефоном, но тут в комнату заглянула вернувшаяся домой мать. Сделав вид, что уже засыпают, братья легли в кровать, не включая телевизор, бросили вялое “Привет, ма” в ответ на ее робкое намерение завязать разговор. Тишина, последовавшая в ответ на вопросы матери, дала ей понять, что продолжения не будет.

Как только дверь снова закрылась, Кристиан прыгнул в постель к брату:

– Давай, выкладывай!

– Смотри?ка! – Николас вытащил бельгийский металлолом.

– Вот это да! – Кристиан попробовал вырвать пистолет из рук брата.

– Эй, осторожно! Он стреляет!

Они тысячу раз перекладывали револьвер из рук в руки и любовно гладили.

– А давай откроем! – попросил Кристиан.

Николас открыл барабан револьвера, и Кристиан покрутил его. Как ребенок, впервые взявший в руки ковбойский пистолет.

– И что ты с ним собираешься делать?

– С ним я собираюсь работать.

– То есть?

– Получить то, чего хочу…

– А меня возьмешь с собой?

– Посмотрим. Слушай, только никому ни слова.

– Конечно. Что я, не понимаю? – Кристиан обнял брата, как всегда, когда выпрашивал подарок. – Можешь дать мне его? На одну ночь.

– Нет, не сегодня, – сказал Николас, убирая пистолет под подушку. – Сегодня он будет у меня.

– Тогда завтра!

– Ну хорошо, завтра он твой!

Игра в войнушку.

Шарики

Николас думал только об одном: как помириться с Летицией. Ситуация осложнялась тем, что она не отвечала. Ни по телефону, ни через окно, и это было впервые. Летиция не хотела выслушать его, а он заискивал, просил прощения, клялся в любви. Могла бы накричать, как вначале или когда они ругались, могла бы обозвать последними словами, но она не снизошла даже до этого. Ему же белый свет стал не мил. Без ее сообщений в Вотсапе, без ее нежности он ощущал пустоту. Он хотел, чтобы Летиция его обняла. Все герои нуждаются в ласке.

Нужно было что?то придумать, и первым делом он решил разыскать Цецилию, лучшую подругу Летиции.

– Отстань от меня, – отрезала Цецилия. – Отстань, это ваше личное дело.

– Нет, подожди. Ты должна мне помочь.

– Я никому ничего не должна.

– Не, я серьезно, помоги, а? – Он остановил ее, перегородив вход в подъезд. – Есть одно дело, мне нужен скутер Летиции, здесь, на улице. В дом к ней мне не войти, в гараж тоже. – Впрочем, он прекрасно мог взломать гараж родителей Летиции, но понимал, что ничем хорошим это не кончилось бы.

– Нет, Нико, даже не думай. – Цецилия скрестила руки на груди.

– Попроси меня о чем угодно, попроси, и я сделаю, если ты мне поможешь.

– Нет… Летиция на самом деле, то есть… после того, что ты сделал с Ренатино…

– Мне плевать! Если кого?то любишь, сильно любишь, по?настоящему, никого не подпустишь к этому человеку.

– Да, но не таким же способом, – сказала Цецилия.

– Просто скажи, что ты хочешь за услугу.

Цецилия казалась непреклонной, неподкупной. Но на самом деле просто обдумывала ответ.

– Два билета на концерт.

– Идет.

– Не хочешь знать, чей концерт?

– Да хоть чей, у перекупщиков все есть.

– Хорошо, тогда я хочу на концерт Бенджи и Феде[15 - Бенджи и Феде – Бенджамин Масколо и Федерико Росси, итальянский музыкальный дуэт из Модены.].

– Это еще кто?

– Ты не знаешь Бенджи и Феде?

– Мне плевать, считай, что билеты твои. Ну когда сможешь?

– Приходи к моему дому завтра вечером.

– Идет. Отправь мне сообщение, напиши типа “все в порядке”, я пойму.

Весь день Николас искал кого?то, кто мог бы достать ему воздушные шары, самые дорогие, самые красивые, и писал в группу:

Мараджа

Парни, шарики

не те, которые продаются

везде. Красивые, парни,

чтобы на каждом

написано I love you.

Зубик

Николас, и где

мы их найдем?

Мараджа

Не знаю, помогите мне.

На следующий день поехали в Кайвано, Дрон по интернету нашел там магазин, где продавали товары для организации праздников и торжественных событий, музыкальные диски и фильмы. Купили воздушных шаров на двести евро и переносной баллон с гелием, чтобы их надуть.

Когда пришло сообщение от Цецилии, все уже расположились под домом и дружно принялись надувать воздушные шары. Один пакет, два, три, десять. Сам Николас, Дохлая Рыба, Зубик, Бриато – работали все, а потом красной лентой привязывали шары к мопеду. Шаров было так много, что мопед рвался к небу, удерживаемый только подножкой – колеса приподнялись на несколько сантиметров от земли. Николас написал Цецилии: “Спускайтесь во двор”, – и все спрятались за припаркованным во дворе фургоном.

– Я спущусь вниз на минутку, Лети, – сказала Цецилия, вставая с кресла и собирая резинкой длинные, до ягодиц, волосы.

– Зачем?

– Я ненадолго. Дело есть.

– Дело? Ты ничего мне не говорила. Посиди со мной. – Летиция валялась на постели подруги, полузакрыв глаза, и покачивала то одной, то другой ногой. Казалось, в этом мерном движении сосредоточилась сейчас вся ее жизненная сила. Так продолжалось уже несколько дней, и Цецилия, хоть и завидовала их отношениям, не могла видеть подругу в таком состоянии и мечтала, чтобы они с Николасом наконец помирились. – Нет, нет, надо спуститься. Это срочно. И вообще, пойдем вместе, прогуляемся.

После небольшой перепалки ей все же удалось уговорить подругу. На выходе из подъезда Летицию ожидало красочное буйство воздушных шаров. Она сразу все поняла – Николас вырос перед ней как по мановению волшебной палочки, и наконец?то она удостоила его словом:

– Ого! Это ты, вот сволочь, – засмеялась она.

– Любовь моя, уберем подножку и взлетим, – еще ближе подошел к ней Николас.

– Ну, я не знаю, Нико, – начала Летиция. – Ты вообще думаешь, что делаешь?

– Это правда, любимая, я идиот, ублюдок. Но я делаю это ради тебя.

– Ну да, ради меня. Ты злой.

– Да, я злой. Да, я дерьмо. Обвиняй меня в чем хочешь. Я все время думаю о тебе, ничего не могу с собой поделать. Если кто?то на тебя смотрит, я должен его наказать, не могу сдержаться. Ты только моя!

– Скажешь тоже… ты слишком ревнивый. – Летиция сопротивлялась на словах, но руками гладила его по щекам.

– Я изменюсь, обещаю тебе. Все, что я делаю, – ради нашей с тобой любви. Рядом с тобой я стану лучшим из мужчин, правда, самым лучшим. – Он улучил момент, взял ее руки в свои, стал целовать ладони.

– Лучший не ведет себя так, – возразила она, нахмурившись и пытаясь освободить руки. Николас на мгновение притянул ее к себе, потом плавно отстранил. – Если я ошибся, то потому, что хотел защитить тебя.

На Летицию смотрел не только Николас, взгляды Дохлой Рыбы, Зубика, Бриато и Цецилии, соседей и случайных прохожих были направлены на нее: она перестала сопротивляться и под громкие аплодисменты обняла Николаса.

– Молодцы, помирились, – подытожил Дохлая Рыба. Зубик вдохнул гелий из шарика и заговорил придурочным голосом, а все подхватили эту забаву. Эти смешные голоса шли им куда больше, чем те, которые они пытались себе настроить. А Николас разгреб воздушные шары, поднял Летицию и посадил ее на скутер:

– Лети, лети!

– Мне не нужны они, чтобы летать. – Летиция обняла его. – Мне хватит тебя.

Николас достал перочинный нож и медленно принялся обрезать ленточки воздушных шаров. Желтые, красные, голубые, розовые: один за другим

взмывали они в небо, расцвечивая его яркими красками. Радостная Летиция завороженно провожала их взглядом.

– Подождите, подождите! А нам дадите? – Малыши шести-семи лет окружили Николаса.

Они обращались к нему на “вы”, и это ему льстило.

– Вот как, ничего себе!

Он брал воздушные шары и привязывал их детям к запястью. Летиция смотрела на него с обожанием, Николас с наслаждением купался в нем, а глазами искал, кому бы еще из детей сделать подарок.

Грабители

Николас появился у “Нового махараджи”, его встретил Агостино.

– Ничего не получается, Нико, нас не пускают.

Рядом с ним Зубик грустно кивнул – на мгновение он воспарил к небесам, и его пинками отправили обратно на землю. Чупа-Чупс, только из спортзала, с мокрыми еще волосами, разозлился:

– Что?! Вот уроды.

– Ну, говорят, они не уверены, а вдруг мы без Копакабаны не заплатим. И вообще, его кабинет уже кому?то отдали.

– Черт, быстро у них дело делается! Не успели отправить клиента за решетку, как ему нашли замену, – сказал Николас. Он огляделся, как будто искал служебный вход или какую?то щель, через которую можно проникнуть внутрь.

– Мараджа, что будем делать? Нас макают в говно. Другие работают, а мы нет… Вечно на побегушках. Кто?то гребет деньги лопатой, а нам достаются объедки, – подошел к нему Агостино.

Нужно было что?то придумать. Все надеялись на Николаса, он был главным.

– Будем грабить, – сухо сказал он.

Это было не предложение, а констатация. Тон не оставлял никаких сомнений в решимости Николаса. Чупа-Чупс вытаращил глаза.

– Грабить?! – переспросил Агостино.

– Ну да, грабить.

– Что, членом пиф-паф? – спросил Зубик, который наконец вышел из ступора.

– Есть пушка. – Николас вытащил старый бельгийский револьвер.

– Это что за металлолом?! – Агостино невольно рассмеялся.

– Мадонна! Где ты его взял? На Диком Западе? Ковбои подарили? – оживился Зубик.

– Пока есть только такая штука, и с этой штукой мы будем действовать. Берем глухие шлемы – и вперед.

Николас стоял, засунув руки глубоко в карманы. Он ждал. Это была проверка, вызов. Кто примет его, кто отступит?

– А где мы возьмем закрытые шлемы? У тебя есть? У меня – нет, – сказал Агостино. Он врал, закрытый шлем лежал у него дома, новый. Нужно было под любым предлогом потянуть время, чтобы понять, блефует Николас или нет.

– У меня есть, – сказал Зубик.

– И у меня тоже, – отозвался Чупа-Чупс.

– Спичка, возьмешь шарф или платок у мамы… – посоветовал Николас.

– Бита нужна. Ограбим супермаркет, – предложил Зубик.

– Вот так, сразу? Ничего не разведав, без подготовки? – сомневался Агостино. Чаша весов неумолимо клонилась в сторону ограбления.

– Подготовка? Зачем? Это тебе что, “На гребне волны”[16 - “На гребне волны” – американский боевик, ремейк одноименного фильма 1991 года.]? Подъезжаем, заходим, максимум пять минут, берем кассу и сваливаем. Перед самым закрытием. Удираем, по пути обчистим пару табачных лавок у вокзала.

Николас назначил встречу всем троим через час у своего дома. Всем было велено позаботиться о мопедах и шлемах, биту он брал на себя. Несколько лет назад он увлекся бейсболом и даже начал собирать коллекцию бейсболок. Посмотрел всего одну игру по интернету, быстро надоело: правила его не интересовали. Однако очарование этого мира, столь американского, не ослабило своего воздействия, поэтому, как только представился случай, он украл бейсбольную биту без этикетки, лежавшую по недогляду в магазине “Мондо Конвеньенца”. Николас ни разу ее не использовал, ему импонировала ее агрессивность, примитивная злоба: точно такая была у Аль Капоне в фильме “Неприкасаемые”.

Николас заранее просчитал, кому ее доверить. Когда Агостино вызвался сам, он и бровью не повел, знал, что так и будет – слишком много тот сомневался. Агостино занял место пассажира на мопеде Чупа-Чупса, который непонятно где раздобыл шлем с Акулой-монстром, персонажем старого фильма ужасов. Пассажиром у Николаса сел Зубик, на них были мятые, поцарапанные шлемы, давно утратившие свой первоначальный цвет. Двинулись к супермаркету, старому, неприметному, подальше от Форчеллы. Если что?то пойдет не так, хотя бы спалятся не сразу. Магазин уже закрывался, перед входом стояла машина частной охранной службы.

– Черт, вот сволочи! – прошипел Николас, поглаживая в кармане рукоятку пистолета, это его успокаивало.

Такого они не ожидали. На будущее нужно иметь в виду.

– Говорил я тебе, что нужно сначала выследить, идиот! Гони теперь к табачнику, – смог немного отыграться Агостино, толкнув Чупа-Чупса в спину, а тот резко надавил на газ и взмахнул рукой, давая понять, что сам знает, куда ехать. Они направились к табачной лавке, каких миллионы по всей Италии. Две небольшие витрины, увешанные скетч-карточками мгновенной лотереи и ксерокопиями формата А4, гласящими, что именно здесь неделю назад один счастливчик получил выигрыш в двадцать тысяч евро, вдвое больше, чем в прошлом году, словно фортуна и впрямь облюбовала это место. Момент выбрали верно: поблизости не слонялись вечные бездельники, рассчитывающие на легкую удачу, тротуар был пуст. Припарковали мопеды, обеспечив себе возможность побега, интуитивно определили самый надежный вариант: оживленный перекресток, над которым проходит эстакада, можно петлять среди других мопедов под прикрытием автомобилей.

Николас никого не ждал, он первым решительно вошел в табачную лавку, наставил на хозяина пистолет:

– Деньги, живо, сукин сын!

Хозяин лавки, невысокий и коренастый, в грязной майке, раскладывал на полках сигареты и не сразу услышал приглушенный мотоциклетным шлемом голос. Не вникая в смысл слов, он уловил тон, каким они были сказаны, и медленно повернулся с поднятыми руками. Он был далеко не молод и в подобной сцене, очевидно, участвовал не впервые. Николас перегнулся через прилавок и наставил хозяину пистолет в висок.

– Шевелись, гони деньги. – Николас бросил ему пакет для добычи, предусмотрительно захваченный из дома.

– Тихо, тихо, тихо, – повторял хозяин табачной лавки, – тихо, все в порядке. – Он знал, что должен придерживаться золотой середины: вести себя не слишком вызывающе, но и не слишком благосклонно. Невозмутимость будет воспринята как издевательство; проявишь агрессию – сразу конец. В любом случае конец один – пуля в лоб.

Николас сильнее перегнулся через прилавок, наставив дуло пистолета прямо на табачника, тот уже опустил вниз дрожащие руки с пакетом. Появился Агостино – бейсбольная бита за спиной.

– Ну, кому тут по башке?!

Вошел Зубик со школьным рюкзачком и принялся сгребать в него все, что попадало под руку, – авторучки, карамельки, жевательную резинку. Николас между тем внимательно следил за хозяином лавки, судорожно складывавшим в пакет банкноты по десять и двадцать евро.

– Эй, парни, живо! – закричал с улицы Чупа-Чупс. Он был самым мелким из четверки, и ему пришлось стоять на шухере. Николас покрутил пистолетом, веля лавочнику пошевеливаться, тот выгреб из кассы все, что осталось, и снова поднял руки.

– Лотерейные билеты забыл, – сказал Николас.

Табачник снова опустил руки и, указывая на пакет, жестами попытался показать, что наверняка этого достаточно, теперь они могут убираться.

– Гони сюда все билеты, сволочь, все билеты гони! – закричал Николас. Агостино и Зубик молча посмотрели на него. Они спешили к выходу на зов Чупа-Чупса и не могли взять в толк, почему Николас теряет время из?за каких?то лотерейных билетов. Им тоже казалось, что этого распухшего от денег пакета вполне достаточно. Но Николас считал иначе. Табачник должен быть наказан за вызывающее поведение. Вырвав у него из рук пакет, Николас замахнулся пистолетом так, что табачник распластался на полу. Потом повернулся к остальным:

– Уходим.

– Ну ты псих, Нико! – прокричал Агостино, поравнявшись с ним на мопеде в плотном потоке.

– Давайте, парни, возьмем еще бар, – ответил Николас.

Бар как две капли воды походил на табачную лавку. Две грязные витрины, десятилетней давности реклама мороженого: невзрачное заведение, куда не заходил никто, кроме местных завсегдатаев. Бар закрывался, решетка была наполовину опущена. Николас и на этот раз пошел первым. Вытащил из урны

пустой мусорный мешок, а пакет с деньгами табачника убрал под седло мопеда. Бармен и двое официантов переворачивали стулья, клали их на столы и не сразу заметили вошедших Николаса и Зубика, который взял у Агостино бейсбольную биту.

– Деньги сюда, живо, все деньги сюда! – закричал Николас и бросил мусорный мешок к ногам официантов. Пистолет не вытаскивал – адреналин, полученный в табачной лавке, еще бежал по венам, словно убеждая, что все пойдет как надо. Но один из официантов, прыщавый парнишка немногим старше Николаса, бравируя, подцепил ногой мешок и отправил его под стол. Николас занес руку за спину: если они нарываются, самое время их продырявить, – однако и Зубику бейсбольная бита жгла руку. Он начал с кофейных чашек, приготовленных к завтраку. Одним ударом расколотил все, осколки взмыли в воздух, и даже Николас инстинктивно закрыл лицо рукой, забыв, что на нем мотоциклетный шлем. Затем настал черед крепкого алкоголя. Янтарный плевок вырвался из разбитой бутылки немецкого ликера “Егермейстер” и попал прямо в лицо юному официанту, отбросившему под стол мусорный мешок.

– Сначала я бабахну по кассе, а потом, черт возьми, кому?то по голове, – пригрозил Зубик. Он целился битой то в одного, то в другого официанта, как бы примеряясь, чей череп раскроить первым. Николас подумал, что с Зубиком надо будет поквитаться. Только не сейчас, и, усилив накал, все?таки вытащил пистолет. Прыщавый официант упал на колени и пополз за пакетом, а его приятель подбежал к кассе, чтобы открыть ее. День, несомненно, удался – Николас увидел выручку в купюрах по пятьдесят. В бар вбежал Агостино, привлеченный шумом, и принялся сбрасывать в рюкзак бутылки с виски и водкой, уцелевшие от ярости Зубика.

– Эй, парни, уже полторы минуты. Кончай канитель! – крик Чупа-Чупса отрезвил троих налетчиков, они мигом выскочили на улицу. Снова в седле, снова в потоке машин, каждый наедине со своими мыслями. Все получилось так легко и быстро, как в настоящем боевике. Только Николас думал о другом: правой рукой управлял скутером, объезжая “Фиат Пунто”, который почему?то решил вдруг остановиться, а левой набирал сообщение Летиции: “Спокойной ночи, моя пантера”.

Утром, едва открыв глаза, Николас первым делом проверил телефон. В голове еще шумели события минувшего дня. Летиция ответила, как он и ожидал,

сопроводив сообщение цепью сердечек. В школу пришел в десять и, поскольку все равно опоздал, полчаса роли не сыграют, решил выкурить в туалете косяк. Третьим уроком, если он правильно помнил, был Де Марино, единственный преподаватель, которого он мог терпеть. По крайней мере, проявлял заинтересованность. Конечно, не к тому, что тот рассказывал, на это Николасу было глубоко плевать. Его цепляло упорство, с которым Де Марино хотел быть услышанным, и внимание к подросткам, сидевшим перед ним. Вот за это Николас его уважал, хоть и понимал, что Валерио Де Марино не сможет никого спасти.

Прозвенел звонок. Шум распахиваемых дверей и топот в коридорах. В туалет, где прятался Николас, с минуты на минуту прибежит толпа. Николас выбросил остаток сигареты в унитаз и пошел в свой класс. Де Марино вошел, оглядывая учеников не так, как другие, для которых работа в школе – лишь часть производственного конвейера: наконец?то закончилась смена, все по домам.

Учитель подождал, пока все соберутся, а потом взял в руки книгу в мягком переплете, свернув ее, как газету, трубкой. Он сидел за столом и постукивал книгой по колену.

Николас уставился на преподавателя, не обращая внимания, что и Де Марино пристально смотрит на него.

– Фьорилло, тебя лучше сегодня не спрашивать, так?

– Лучше нет. Голова ужасно болит.

– Ты хотя бы знаешь, что мы сейчас изучаем?

– А то!

– Н-да. В таком случае я не буду тебя спрашивать, что мы сейчас изучаем. Я задам тебе хороший вопрос, потому что на хороший вопрос отвечать легко. Ведь так?

– Как хотите, – ответил Николас и пожал плечами.

– Из нашей программы что тебе нравится большего всего?

Николас действительно знал, какую тему они проходили.

– Мне нравится Макиавелли.

– А почему?

– Потому что он учит властвовать.

Шпана

Николас решил найти способ заработать, ведь с арестом Копакабаны наркосбыт приостановился. Нужно осмотреться, понять, с чего начинать. Копакабана знал, что деньги должны постоянно быть в обороте, времени терять нельзя. Дон Феличано пошел на сделку со следствием и мог разболтать все. Женившись на Виоле Стриано, Котяра оказался первым претендентом на роль босса Форчеллы, стоило лишь уладить вопрос с Копакабаной. Но почему?то он этого не делал.

Никто не посылал гонцов к Копакабане за решетку, молчали боссы, молчали их жены. В чем дело? К шантажу он не прибегал. Есть два пути: рэкет или наркосбыт. Или ты крышуешь магазины, собираешь с них дань и ни о какой другой торговле не помышляешь, или магазины ничего не платят, но терпят по соседству сбытчиков травки и кокаина. Таковы были его убеждения.

После нескольких удачных ограблений Николас, Агостино и Бриато с помощью старого бельгийского револьвера решили заняться рэкетом.

– А что?! – оживился Бриато. – Чтоб мне сдохнуть, Николас, отличная идея!

Они сидели в баре, проигрывая в автоматах награбленную мелочь, и строили планы. Зубик и Бисквит предпочитали слушать, пока.

– Эти барахольщики… Все, кто торгует вдоль дороги, будут нам платить, – не унимался Бриато, – сунем ствол в зубы всем этим чертовым неграм и марокканцам, пусть отстегивают в день по десять-пятнадцать евро.

– А сможем? – недоверчиво спросил Агостино.

– И еще, те, у стадиона, они точно платили дань Копакабане, – сказал Николас.

– Не, по?моему, Копакабана ничего не собирал у стадиона.

– Ну тогда будем грабить парковщиков после матча.

– Слушайте, парни, если не сделаем общую кассу, если не будем работать вместе, нам придется вечно пахать на кого?нибудь! Поймете вы это, наконец, или нет?

– Меня все устраивает. Сначала поработаем, а там посмотрим. – Агостино бросил в автомат два евро и добавил, нажимая кнопку: – Так сказал Копакабана.

– Что, что он сказал? Ты говорил с ним? – вскочил Николас.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

“Руки над городом” – кинофильм (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%B
режиссера Франческо Рози (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%B7%D0%B8,_%D0%A4%D1%80%D0%
вышедший на экраны в 1963 году (https://ru.wikipedia.org/wiki/1963_%D0%B3%D0%BE%D0%B4_%D0%B2_%D0%BA%D0%B8
социально-политическая драма. (Здесь и далее примеч. перев.)

2

Паранца – рыбацкий одномачтовый баркас; невод для ловли рыбы; мелкая морская рыбешка, приготовленная в кляре. И банда в структуре каморры.

3

Форчелла – историческая зона в центре Неаполя. Название происходит от характерной формы перекрестка, напоминающей греческую букву ипсилон (Y) или вилку.

4

Святой Януарий – священномученик, покровитель Неаполя. Самый известный случай заступничества Януария – спасение города от извержения Везувия в 1631 году, когда по молитвам горожан каменная статуя святого одним жестом поднятой руки остановила извержение.

5

Колонны Форчеллы – огороженная археологическая зона в центре площади Винченцо Календы. Камни, предположительно, были частью стены, окружавшей античный Неаполис.

6

“Фут Локер” – сеть магазинов одноименной компании, торгующих широким ассортиментом спортивной одежды и обуви.

7

“Эйр Джордан” – именной бренд, разработанный американской компанией “Найк” для легендарного американского баскетболиста Майкла Джордана.

8

“Yankees”, “Red Sox” — профессиональные бейсбольные клубы из Нью-Йорка и Бостона соответственно.

9

На острове Низида в Неаполе находится тюрьма для несовершеннолетних преступников.

10

“Ко всему прислушивается” (исп.).

11

Остров Азинара у северо-западного побережья Сардинии – один из самых живописных в Средиземном море. До 1988 года там находилась тюрьма для особо опасных преступников. С 1997?го на острове учрежден национальный парк, а тюрьма стала одной из туристических достопримечательностей.

Раффаэле Кутоло (р. 1941) – неаполитанский каморрист, известный также под кличкой Профессор, в конце 70?х – начале 80?х годов создал и возглавил мафиозную сеть “Новая организация каморры” (итал. Nuova Camorra Organizzata). В 1982 году по личному решению президента Итальянской Республики был переведен из тюрьмы в Асколи-Пичено в тюрьму строгого режима на острове Азинара, где содержался несколько лет в качестве единственного заключенного.

12

“Аллегория доброго и дурного правления в городе и деревне” – фрески Амброджо Лоренцетти, написанные в зале Девяти сиенского Палаццо Пубблико (1338–1339).

13

“Стань богатым или умри в попытке сделать это” (англ.).

14

Джимхана – вид автоспорта, получивший распространение в Японии, США, Великобритании и Южной Африке. Дриблинг (от англ. “ведение мяча”) – в ряде видов спорта маневр с мячом.

15

Бенджи и Феде – Бенджамин Масколо и Федерико Росси, итальянский музыкальный дуэт из Модены.

16

“На гребне волны” – американский боевик, ремейк одноименного фильма 1991 года.

Купить: https://tellnovel.com/roberto-savyano/piran-i-neapolya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити